

**СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК**

№ 15/2

2017

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых комму-
никаций (Роскомнадзор) от 25 сентября 2009 г.
Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-37683

Учредитель –
Южный федеральный университет
Главный редактор –
академик РАО,
д. биол. наук, профессор
Ермаков П. Н.

ВЕСТНИК

Научно-практический журнал

Журнал издается с 1996 г.,
выходит 2 раза в год
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
Научно-практический журнал
2017 г. ► № 15/2

Выпускающий редактор –
Обухова Ю. В.
Ответственный секретарь –
Обухова Ю. В.
Компьютерная верстка –
Проненко Е. А.

Редакционный совет

д. пс. наук, профессор Акопов Г. В. (СГСПУ, Самара)
академик РАО, д. пс. наук, профессор Асмолов А. Г.
(МГУ, Москва)

д. пс. наук, профессор Аллахвердов В. М. (СПбГУ, Санкт-Петербург)
академик РАО, д. пс. наук, профессор Бондырева С. К.
(МПСУ, Москва)

д. пс. наук, профессор Знаков В. В. (МГУ, Москва)

член-корреспондент РАО, д. пс. наук, профессор Карпов А. В.
(ЯрГУ, Ярославль)

академик РАО, д. пед. наук, профессор Малофеев Н. Н.
(ИКП РАО, Москва)

д. пс. наук, профессор Марьин М. И. (МГППУ, Москва)
академик РАО, д. пс. наук, профессор Рубцов В. В.
(МГППУ, Москва)

академик РАО, д. пс. наук, профессор Реан А. А.
(Высшая школа экономики, Москва)

д. пс. наук, профессор Рыбников В. Ю.
(ФГБУ ВЦЭРМ, Санкт-Петербург)

д. пс. наук, профессор Тхостов А. Ш. (МГУ, Москва)

д. пс. наук, профессор Черноризов А. М. (МГУ, Москва)
академик РАО, д. пс. наук, профессор Шадриков В. Д.
(ЯрГУ, Ярославль)

Редакционная коллегия

член-корреспондент РАО, д. пс. наук,
профессор Абакумова И. В. (ДГТУ, Ростов-на-Дону)

д. биол. наук, Бабенко В. В. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Белоусова А. К. (ДГТУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Воробьева Е. В. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Джанерьян С. Т. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

канд. пс. наук, Дикая Л. А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Кагермазова Л. Ц. (КБГУ, Нальчик)

д. пс. наук, Лабунская В. А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Рюмшина Л. И. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Сидоренков А. В. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пед. наук, Скуратовская М. Л. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пед. наук, Федотова О. Д. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. филос. наук, Шкуратов В. А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Щербакова Т. Н. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

Адрес редакции:

344038, Ростов-на-Дону,
пр. Нагибина, 13, ком. 518.
Тел. (863) 218-40-00 (доб. 11637)
E-mail: rpj@bk.ru

Подписано в печать 25.12.2017
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Myriad Pro.
Печать цифровая. Усл. печ. л.6,53
Тираж 1000 экз. Заказ № 29/17

Перепечатка материалов только по согласованию с Редакцией.

© Северо-Кавказский психологический вестник, 2017
© ООО "КРЕДО", 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ..... 5

Кара Ж. Ю., Колодько В. А.
Особенности коммуникативной толерантности и способностей к эмпатии у педагогов
дошкольного учреждения 5

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ 12

Кара Ж. Ю., Бруева А. Ф., Зюзко Д. М., Слепов В. А., Маркелова А. С.
К проблеме толерантности в контексте психологических исследований 12

Спиридонова Н. И.
Взаимосвязь между целями конкуренции и выраженностью тревожности
у студентов-юристов 22

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ 29

Бабянц К. А., Шульжицкая М. И.
Особенности проявления депрессивных состояний в подростковом возрасте 29

Яцык Г. Г., Воробьева Е. В.
Современные психофизиологические исследования решения когнитивных задач в условиях
стресса 39

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИЯМ 50

CONTENTS

PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY	5
Kara Zh. Yu., Kolodko V. A. Peculiarities of communicative tolerance and ability to empathy in teachers of preschool establishment	5
PSYCHOLOGY OF PERSONALITY	12
Kara Zh. Yu., Brueva A. F., Zyuzko D. M., Slepov V. A., Markelova A. S. To the problem of tolerance in the context of psychological research	12
Spiridonova N. I. The relationship between objectives of competition and severity of anxiety in law students	22
CLINICAL PSYCHOLOGY AND PSYCHOPHYSIOLOGY	29
Babiyants K. A., Shulzhitskaya M. I. Peculiarities of manifestation of depressive states in adolescent age	29
Iatsyk G. G., Vorobyeva E. V. Modern psychophysiological studies of solving cognitive tasks in the stress state	39
REQUIREMENTS TO PUBLICATIONS	50

**ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ
И СПОСОБНОСТЕЙ К ЭМПАТИИ У ПЕДАГОГОВ
ДОШКОЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ**

Жанна Ю. Кара

кандидат психологических наук, доцент

Южный федеральный университет

г. Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: kara_j@mail.ru

Виктория А. Колодько

магистрант

Южный федеральный университет

г. Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: viktori4kaa@mail.ru

В статье обосновывается актуальность проблемы коммуникативной толерантности и способностей к эмпатии у педагогов дошкольного учреждения. В современном мире, точнее в области образования, деятельность педагога, особенно в дошкольном учреждении крайне важна и зависит от огромного количества факторов. В первую очередь, поскольку эта работа в сфере «человек – человек», главными особенностями работы педагога являются коммуникативная толерантность и способность к эмпатии. Авторами статьи проведено исследование по изучению коммуникативной толерантности, способностей к эмпатии у педагогов дошкольного учреждения. Проведя теоретический анализ подходов в исследовании коммуникативной толерантности и эмпатических тенденций, было подчеркнуто, что понятие коммуникативной толерантности является многозадачным, многогранным, актуальным. Эмпатия рассматривается как одно из ключевых эмоциональных компонентов в становлении толерантного поведения, проявляющееся в отношении к другому, в толерантном отношении. Субъектами коммуникативной толерантности и способностей к эмпатии выступили педагоги дошкольного учреждения МАДОУ № 267 г. Ростова-на-Дону. Для изучения взаимосвязи коммуникативной толерантности и способностей к эмпатии среди педагогов дошкольного учреждения далее было проведено эмпирическое исследование. В ходе исследования стандартизированными методиками и методами математической обработки данных авторами была выявлена взаимосвязь между коммуникативной толерантностью и способностью к эмпатии у педагогов дошкольного учреждения, в частности, был выявлен высокий показатель коммуникативной толерантности, имеющий связь с высокими показателями эмпатических тенденций. На основе полученных результатов были сделаны соответствующие выводы. Полученные данные могут быть использованы при разработке и проведении психолого-педагогических программ для повышения уровня толерантности у педагогов дошкольных учреждений.

Ключевые слова: толерантность, коммуникативная толерантность, способность к эмпатии, эмпатические тенденции, педагог, педагог дошкольного учреждения, эмпатия, отношение, сочувствие, сопереживание

Для цитирования: Колодько В. А., Кара Ж. Ю. Особенности коммуникативной толерантности и способностей к эмпатии у педагогов дошкольного учреждения // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2017. – № 15/2. – С. 5–11.

PECULIARITIES OF COMMUNICATIVE TOLERANCE AND ABILITY TO EMPATHY IN TEACHERS OF PRESCHOOL ESTABLISHMENT

Zhanna Yu. Kara

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor

South Federal University

Rostov-on-Don, Russia

E-mail: kara_j@mail.ru

Victoria A. Kolodko

Master Student

South Federal University

Rostov-on-Don, Russia

E-mail: viktori4kaa@mail.ru

The article proves the urgency of the problem of communicative tolerance and abilities for empathy among pre-school teachers. In the modern world, more precisely in the field of education, the activity of the teacher, especially in the preschool institution, is extremely important and depends on a huge number of factors. First of all, since this work in the field of «man-man», the main features of the teacher's work are communicative tolerance and the ability to empathy. The authors of the article carried out a study on the study of communicative tolerance, abilities for empathy among teachers of preschool institutions. Having carried out a theoretical analysis of approaches in the study of communicative tolerance and empathic tendencies, it was stressed that the concept of communicative tolerance is multitasking, multifaceted, relevant. Empathy is considered as one of the key emotional components in the development of tolerant behavior, which manifests itself in relation to another, in a tolerant attitude. Subjects of communicative tolerance and abilities for empathy were the teachers of the preschool institution MADOU no. 267 in Rostov-on-Don.

To study the relationship between communicative tolerance and empathic abilities among preschool teachers, an empirical study was later carried out. In the course of the study, the standardized methods and methods of mathematical data processing revealed the correlation between communicative tolerance and the ability to empathize with pre-school teachers, in particular, a high indicator of communicative tolerance was associated with high rates of empathic tendencies. Based on the results obtained, the relevant conclusions were drawn. The obtained data can be used in the development and conduct of psychological and pedagogical programs to increase the level of tolerance among teachers of preschool institutions.

Keywords: *tolerance, communicative tolerance, ability to empathy, empathic tendencies, teacher, pre-school teacher, empathy, attitude, compassion, mercy*

For citation: Kara Zh. Yu., Kolodko V. A. Peculiarities of communicative tolerance and ability to empathy in teachers of preschool establishment // *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik – North-Caucasian Psychological Bulletin*, 2017, no. 15/2, pp. 5–11 (in Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Изучение толерантности на современном этапе развития общества выходит на новый рубеж в междисциплинарных исследованиях [1, 2]. Преобразования в системе образования, акцентуация на принципах гуманизма, поворот в обучении на индивидуальный подход, преобладание личностного развития, все это притягивает внимание исследователей, особенно при изучении толерантности в психолого-педагогическом аспекте [1, 2, 3]. От того каким является современный педагог дошкольного учреждения, соответствует ли он высоким профессиональным и личностным требованиям будет зависеть развитие ребенка [4]. Ему необходимо не только уметь проектировать, разрабатывать и реализовывать образовательный процесс, беря во внимание потребности и возможности ребенка, но и так же уметь взаимодействовать с представителями разных социальных групп, культур, вероисповеданий и при этом видеть в каждом ребенке уникальную ценность, и для этого ему необходимы в первую очередь такие составляющие его личности как коммуникативная толерантность и эмпатия [5, 6, 7]. В настоящее время имеется недостаток исследований среди педагогов дошкольных учреждений и детей дошкольного возраста.

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассматривая теоретический аспект проблемы коммуникативной толерантности, становится очевидно, что это понятие является многозадачным. Например, В. В. Бойко под «коммуникативной толерантностью» понимает отношения личности к людям, при взаимодействии с ними, тем самым показывая возможность переносимости не приемлемых психических особенностей человека [9, 10, 11]. Ряд авторов, таких как Ю. В. Коряпина, Е. Ю. Кочергина, В. Ф. Петренко и др., считают, что коммуникативная толерантность имеет мозаичный образ, так как в ней отражаются такие важные характеристики личности, как психологические особенности, особенности воспитания, опыт общения, ценности, мотивы и потребности, установки и интересы, убеждения, характер и темперамент [12, 13, 14, 15, 16, 17, 18]. Следовательно, ее можно рассматривать

как основополагающую психологическую особенность личности педагога [19].

С толерантностью исследователи связывают эмпатию, диалогизм, т.е. восприятие другого человека как такую же ценность [19, 20, 21]. Мы считаем, что эмпатия является одним из ключевых эмоциональных компонентов в становлении толерантного поведения. В понимании Т. В. Пашуковой, эмпатия рассматривается как включение в эмоциональное состояние другого человека, вчувствование в переживания собеседника [17]. В исследовании Ж. Ю. Кара, П. Мамедовой выявлена наибольшая связь уровня коммуникативной толерантности, наблюдаемая «у таких характеристик, как «Управление своими эмоциями» и «Самомотивация» [3]. В другом исследовании выявлено «у большинства воспитателей детского образовательного учреждения (78 %) наблюдается средний уровень толерантности, и данные результаты показывают, для педагогов характерно сочетание как толерантных, так и интолерантных черт [22]. В одних социальных ситуациях они ведут себя толерантно, в других могут проявлять интолерантность. У многих педагогов были наиболее выражены такие критерии как категоричность или консерватизм в оценках людей (69 %), неприятие или непонимание индивидуальности человека (52 %)» [11].

В результате теоретического анализа научной литературы, мы пришли к заключению, что толерантность и эмпатия не рассматриваются отдельно друг от друга и можно предположить, что между ними есть какая-либо связь и зависимость, возможно от уровня проявления эмпатии будет зависеть толерантность, а именно коммуникативная толерантность, которую мы изучали в нашем исследовании.

При характеристике взаимоотношений специалистов в системе человек-человек, в частности, это педагоги дошкольного учреждения, важнейшими элементами их профессиональной деятельности является эмпатия и коммуникативная толерантность. Эти два понятия неразрывно связаны между собой и оказывают влияние на профессиональный путь педагога и на его отношение к окружающим его людям, поэтому эта тема и является весьма актуальной в настоящее время.

Целью нашего исследования стало изучение особенностей коммуникативной толерантности и способностей к эмпатии у педагогов дошкольного учреждения. Исследование проводилось в МАДОУ № 267 г. Ростова-на-Дону. В своем исследовании мы предполагали, что существуют различия коммуникативной толерантности у педагогов дошкольного учреждения с различным уровнем способностей к эмпатии. В исследовании приняли участие 35 педагогов дошкольного учреждения в возрасте от 25 до 45 лет. Данное количество респондентов обосновано одним детским учреждением.

МЕТОДЫ

В работе были использованы следующие методики: методика диагностики общей коммуникативной толерантности (В. В. Бойко); опросник для диагностики способности к эмпатии (А. Мехрабиан, Н. Эпштейн). Методы математической статистики: для подтверждения достоверности результатов были использованы описательная статистика, коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В ходе исследования особенностей коммуникативной толерантности и способностей к эмпатии у педагогов дошкольного учреждения были получены следующие результаты: высокий уровень коммуникативной толерантности у 80 % педагогов дошкольного учреждения (28 человек), это говорит о том, что для этих педагогов характерен высокий уровень коммуникативной толерантности, что они более открытые, толерантные, с низкой вероятностью конфликтности. Средний уровень коммуникативной толерантности выявлен у 20 % педагогов (7 человек), это может свидетельствовать о толерантности педагогов дошкольного учреждения и терпимости, но возможно о некоторой конфликтности или неприятия каких-либо вещей.

Далее было выявлено, что 80 % (28 человек) педагогов дошкольного учреждения имеют высокий уровень эмпатических тенденций, это может свидетельствовать о том, что педагоги в высокой мере эмоционально дают непосредственные реакции на поведение других людей,

сочувствуют им, предугадывают их состояния. Другая часть педагогов (20 %) имеет средний уровень эмпатических тенденций, это может означать среднюю выраженность сопереживания и сочувствия другим людям.

В ходе математической обработки данных с помощью коэффициента корреляции Спирмена была выявлена корреляционная связь между уровнем эмпатических тенденций и коммуникативной толерантностью. Было выявлено, что сила корреляционной связи между уровнем эмпатических тенденций и коммуникативной толерантностью высокая. Значение коэффициента корреляции Спирмена составило 0,786, что соответствует высокой тесноте связи между уровнем эмпатических тенденций и коммуникативной толерантностью. Данная корреляционная связь является статистически значимой ($p < 0,01$). Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что между уровнем эмпатических тенденций и коммуникативной толерантностью существует прямая положительная корреляционная связь, свидетельствующая о том, что чем выше показатель коммуникативной толерантности, тем соответственно выше показатели эмпатических тенденций, т.к. между ними была выявлена тесная корреляционная связь.

Качественно-количественный анализ результатов эмпирического исследования позволил сделать вывод о наличии корреляционной взаимосвязи между коммуникативной толерантностью и способностью к эмпатии. Таким образом, 80 % педагогов дошкольного учреждения имеют высокий уровень коммуникативной толерантности и соответственно имеют высокий уровень эмпатических тенденций. Это может означать, что большинство педагогов МАДОУ № 267 демонстрируют терпимость к проявлению агрессивности, враждебности детьми, высокие показатели вовлеченности, принятия, низкую вероятность конфликтности.

Для педагогов со средними показателями коммуникативной толерантности (20 %) присущ средний уровень эмпатических тенденций. Данных педагогов характеризует стремление принимать индивидуальность своих воспитанников, проявлять терпимость и доброжелательность, эмоциональную гибкость.

Вместе с тем, им свойственна ситуативная импульсивность поведения в конфликтных ситуациях с воспитанниками, сложности саморегуляции и самоконтроля.

ВЫВОДЫ

Наше исследование было посвящено проблеме коммуникативной толерантности и проявления эмпатических тенденций. После проведенного нами исследования мы можем сделать вывод о том, что коммуникативная толерантность и эмпатия коррелируют между собой. Между коммуникативной толерантностью и способностью к эмпатии существует сильная положительная прямая корреляционная связь. В ходе исследования было выявлено, что 80 % педагогов дошкольного учреждения имеют высокий показатель коммуникативной толерантности и соответственно это связано с высокими показателями эмпатических тенденций, чем выше показатели коммуникативной толерантности, то есть чем более педагог дошкольного учреждения открыт, менее конфликтен, тем больше у него проявляются эмпатические тенденции, он становится более отзывчивым, понимающим. И соответственно это касается и среднего уровня проявления коммуникативной толерантности и способностей к эмпатии. То есть, если педагог терпим, но возможно в некоторых ситуациях конфликтен, то и способность к эмпатии остается на среднем уровне, тем самым такой педагог обладает средней выраженностью сопереживания и сочувствия другим людям, детям, сотрудникам МАДОУ.

Полученные в исследовании результаты могут быть использованы при разработке психолого-педагогических программ для педагогов дошкольных учреждений с целью проработки и преобразования личностных качеств, коммуникативной толерантности, эмпатии как улучшение профессиональных качеств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г. М. Социальная психология. Учебник для высших учебных заведений. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 363 с.
2. Steinberg L., Morris A.S. Adolescent development // Annual Review of Psychology. – 2001. – Vol. 52. – P. 83–110.
3. Кара Ж. Ю., Мамедова П. Взаимосвязь эмоционально-волевых характеристик личности и уровня коммуникативной толерантности // Научно-методический электронный журнал Концепт. – 2016. – Т. 24. – С. 72–75.
4. Львова И. В., Михайлова В. П. Коммуникативная толерантность как компонент профессиональной культуры будущих специалистов-педагогов // Вестник Кировского государственного университета культуры и искусств. – 2008. – № 2 (5). – С. 36–39.
5. Асмолов А. Г., Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А. О смыслах понятия толерантность // Век толерантности. Научно-публицистический вестник. – 2001. – № 1–2. – С. 8–19.
6. Shamionov R. M. Risk Society and Humanity // Chaos, Complexity and Leadership 2014 / S. S. Ergetin (ed.). – New York: Springer, 2016. – P. 209–225.
7. Асташова Н. А. Проблема воспитания толерантности в системе образовательных учреждений / Толерантное сознание и формирование толерантных отношений (теория и практика): сб. науч.-метод. статей. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института, 2003. – С. 223–224.
8. Безюлева Г. И., Шаламова Г. М. Толерантность: взгляд, поиск, решение: монография. – М.: Вербум-М, 2003. – 168 с.
9. Бойко В. В. Коммуникативная толерантность: методическое пособие. – СПб.: СПбМАПО, 1998. – 24 с.
10. Бойко В. В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. – М.: Филинь, 1996. – 472 с.
11. Бойко В. В., Ковалев А. Г., Панферов В. Н. Социально-психологический климат коллектива. – М.: Мысль, 2003. – 207 с.
12. Кара Ж. Ю., Касьянова Д. В. Исследование толерантных отношений в младшем дошкольном возрасте // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. – 2017. – № 4. – С. 73–80.
13. Бондырева С. К., Колесов Д. В. Толерантность (введение в проблему). – 2-е изд., стер. – М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2011. – 240 с.
14. Коряпина Ю. В. К вопросу о когнитивном компоненте коммуникативной толерантно-

- сти // Знание. Понимание. Умение. – 2011. – № 2. – С. 270–273.
15. Кочергина Е. Ю. Современные дискуссии по проблеме толерантности / Толерантное сознание и формирование толерантных отношений: Сб. науч.-метод. ст. – М.: Изд-во МПСИ, 2003. – 368 с.
 16. Лазарева Ж. П. Компетентностный подход в образовании как фактор развития коммуникативной толерантности личности будущего учителя // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2012. – № 1. – С. 624–634.
 17. Пашукова Т. В., Троицкая Е. А. Эмпатия как компонент общения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Образование и педагогические науки. – 2010. – № 586. – С. 197–209.
 18. Петренко В. Ф. Гуманитарная культура и образование – основы толерантности и сохранения национальной идентичности // Образовательная политика. – 2011. – № 2 (52). – С. 81–87.
 19. Поваренков Ю. П. Психологическая характеристика профессиональной толерантности учителя / Вопросы психологии внимания: сб. научных трудов / под ред. проф. В. И. Страхова. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2003. – Вып. 21. – 256 с.
 20. Попов Д. Г. Морально-психологическое состояние сотрудников и социально-психологический климат служебного коллектива // Юридическая психология. – 2009. – № 4. – С. 26–29.
 21. Морозов А. В., Чернилевский Д. В. Креативная педагогика и психология: учебное пособие. – М.: Академический проект, 2004. – 560 с.
 22. Психодиагностика толерантности личности / Под ред. Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой. – М.: Смысл, 2008. – 172 с.
 3. Kara Zh. Ju., Mamedova P. Interrelation of emotional and strong-willed characteristics of the personality and level of communicative tolerance. *Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal Koncept – Scientific-methodical electronic journal Concept*, 2016, Vol. 24, pp. 72–75. (in Russian).
 4. L'vova I. V., Mihajlova V. P. Communicative tolerance as component of professional culture of future specialists' teachers. *Vestnik Kirovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – Bulletin of Kirov state University of culture and arts*, 2008, no. 2 (5), pp. 36–39 (in Russian).
 5. Asmolov A. G., Soldatova G. U., Shaigerova L. A. About meanings of a concept tolerance. *Vek tolerantnosti: nauchno-publicisticheskij vestnik – The age of tolerance: scientific-publicistic Bulletin*, 2001, № 1–2, pp. 8–18 (in Russian).
 6. Shamionov R. M. Risk Society and Humanity. *Chaos, Complexity and Leadership 2014 / S.S. Erçetin (ed.)*. New York, Springer, 2016, pp. 209–225.
 7. Astashova N. A. *Problema vospitanija tolerantnosti v sisteme obrazovatel'nyh uchrezhdenij* [The problem of education of the tolerance in the system of educational institutions]. In: *Tolerantnoe soznanie i formirovanie tolerantnyh otnoshenij (teorija i praktika)* [Tolerant consciousness and the formation of tolerant relations (theory and practice)]. Collection of scientific and methodical articles. Moscow, MPSU Publ., 2003, pp. 223–224.
 8. Bezjuleva G. I., Shalamova G. M. *Tolerantnost': vzglyad, poisk, reshenie* [Tolerance: view, search, solution], Moscow, Verbum-M Publ., 2003. 168 p.
 9. Bojko V. V. *Kommunikativnaja tolerantnost': metodicheskoe posobie* [Communicative tolerance]. Spb., SpbMAPO, Publ., 1998. 24 p.
 10. Bojko V. V. *Energiya ehmocij v obshchenii: vzglyad na sebya i na drugih* [The energy of emotions in communication: a look at yourself and others]. Moscow, Filin, Publ., 1996. 472 p.
 11. Bojko V. V., Kovalev A. G., Panferov V. N. *Social'no-psihologicheskij klimat kollektiva* [Social and psychological climate of the collective]. Moscow, Mysl' Publ., 2003. 207 p.
 12. Kara Zh. Ju., Kas'janova D. V. The study of tolerance in the younger preschool age. *Izvestija Juzhnogo federal'nogo universiteta*.

REFERENCES

1. Andreeva G. M. *Social'naja psihologija* [Social psychology]. Textbook for higher educational institutions. – Moscow, Aspect Press, 2007. 363 p.
2. Steinberg L, Morris A. S. Adolescent development. *Annual Review of Psychology*, 2001, Vol. 52, pp. 83–110.

- Pedagogicheskie nauki – News of the southern Federal University. Pedagogical science*, 2017, no. 4, pp. 73–81 (in Russian).
13. Bondareva S. K., Kolesov D. V. *Tolerantnost' (vvedenie v problemu)* [Tolerance (introduction to the problem)]. Moscow, Moskovskogo psihologo-social'nogo institute, Publ., Voronezh, NPO «MODJeK», Publ., 2011. p. 240.
 14. Korjapina Ju. V. On the cognitive component of communicative tolerance. *Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill.*, 2011, no. 2, pp. 270–273 (in Russian).
 15. Kochergina E. Ju. The modern debate on tolerance. *Tolerantnoe soznanie i formirovanie tolerantnyh otnoshenij – Tolerant consciousness and the formation of tolerant relations*. Collection of scientific and methodical articles, Moscow, MPCl, Publ., 2003, 368 p.
 16. Lazareva Zh. P. Competence approach in education as a factor of development of communicative tolerance of future teacher's personality. *Sovremennye issledovanija social'nyh problem (jelektronnyj nauchnyj zhurnal). Modern research of social problems*, no. 1, 2012, pp. 624–634 (in Russian).
 17. Pashukova T. V., Troitskaya E. A. Empathy as a component of communication. *Vestnik of Moscow state linguistic University. Series: Education and pedagogical Sciences*, 2010, no. 586, pp. 197–209 (in Russian).
 18. Petrenko V. F. Humanitarian culture and education-the foundations of tolerance and preservation of national identity. *Obrazovatel'naja politika – Educational policy*, 2011, no. 2 (52), pp. 81–87 (in Russian).
 19. Povarenkov Ju. P. Psihologicheskaja harakteristika professional'noj tolerantnosti uchitelja [Psychological characteristic of professional tolerance of the teacher]. *Voprosy psihologii vnimanija: sb. nauchnyh trudov – Issues of psychology of attention*. Saratov, Saratovskogo universiteta Publ., 2003, Vol. 21, 256 p.
 20. Popov D. G. Moral and psychological state of employees and socio-psychological climate of the staff. *Juridicheskaja psihologija – Legal psychology*, 2009, no. 4, pp. 26–29. (in Russian)
 21. Morozov A. V., Chernilevskij D. V. *Kreativnaja pedagogika i psihologija* [Creative pedagogics and psychology]: uchebnoe posobie, Moscow, Akademicheskij proekt, Publ., 2004. 560 p.
 22. Soldatova G. U., Shajgerova L. A. (ed.) *Psihodiagnostika tolerantnosti lichnosti* [Psychodiagnosics of tolerance of personality]. Moscow, Smysl Publ., 2008. 172 p.

**К ПРОБЛЕМЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ
В КОНТЕКСТЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Жанна Ю. Кара

кандидат психологических наук, доцент
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону, Россия
E-mail: kara_j@mail.ru

Дарья М. Зюзко

магистрант
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону, Россия
E-mail: dawazuzko@mail.ru

Алена Ф. Бруева

магистрант
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону, Россия
E-mail: alena-suhinina@mail.ru

Владимир А. Слепов

магистрант
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону, Россия
E-mail: V.A.Sl@mail.ru

Анастасия С. Маркелова

магистрант
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону, Россия
E-mail: StaceyM@mail.ru

Сегодня проблема терпимости, сопереживания, соблюдения моральных ценностей является одной из острых проблем современного общества и, в частности, проблем развития и воспитания молодежи. Иными словами, основы толерантности становятся менее воспринимаемы современным подрастающим поколением. Толерантность – это не только взаимоотношения с окружающими, но и внутреннее восприятие межличностных, религиозных, политических и иных разногласий. Именно внутреннее понимание конфликтов, восприятия сложных ситуаций дает основу для формирования терпимости, доброжелательности и понимания к другим людям, то есть, основу для формирования толерантности. В связи с этим становится актуальна разработка программ для развития и воспитания в молодом поколении терпимости, взаимопонимания и хорошего отношения друг к другу. Для того, чтобы разработать полноценную программу и эффективно ее реализовать, необходимо опираться на большой опыт предшествующих поколений, имеющих знания и наработки в области исследования толерантности. Глубокий анализ понятий, признаков и форм проявления толерантности позволяет понять, насколько различны представления о толерантности у разных народов, людей разных эпох и уровня жизни. И на основе этого анализа представляется возможность разработать стратегию развития и воспитания, которая будет формировать в молодежи навыки взаимопонимания, доброжелательности, моральных ценностей. Исходя из теоретического анализа различных исследований, выделим наиболее значимые вопросы: взаимосвязь интолерантности и агрессивности, связь толерантности и культуры, динамичный и проблемный характер взаимодействия людей, пять компонентов толерантности (на международном уровне), положительная динамика изменения толерантности от длительности взаимодействия.

Ключевые слова: толерантность, коммуникативная толерантность, нетерпимость, установка, экстремизм, интолерантность, эмпатия, региональные конфликты, локальные конфликты, межэтнические конфликты

Для цитирования: Кара Ж. Ю., Бруева А. Ф., Зюзко Д. М., Слепов В. А., Маркелова А. С. К проблеме понимания толерантности в контексте психологии // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2017. – № 15/2. – С. 12–21.

TO THE PROBLEM OF TOLERANCE IN THE CONTEXT OF PSYCHOLOGICAL RESEARCH

Zhanna Y. Kara

*Candidate of Psychological, Associate Professor
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia
kara_j@mail.ru*

Dar'ya M. Zyuzko

*Master Student
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia
E-mail: dawazuzko@mail.ru*

Alyona F. Brueva

*Master Student
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia
E-mail: alena-suhinina@mail.ru*

Vladimir A. Slepov

*Master Student
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia
E-mail: V.A.Sl@mail.ru*

Anastasia S. Markelova

*Master Student
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia
E-mail: StaceyM@mail.ru*

Nowadays, the problem of tolerance, empathy, following of moral values is one of the sharpest problems in modern society and particularly it is a big problem for bringing up and educating the youth. It means that the foundations of tolerance are becoming less perceived by the modern younger generation. Tolerance is not only a relationship with others, but also an internal perception of interpersonal, religious, political and other issues. It is the internal understanding of conflict and the perception of complex situations provide the basis for forming tolerance, goodwill and understanding of other people – the basis of tolerance. In this regard, it becomes urgent to develop programs for the development and education of tolerance, mutual understanding and good attitude to each other in the younger generation. In order to develop a full-fledged program and effectively implement it, it is necessary to rely on the extensive experience of previous generations with knowledge and experience in the field of tolerance research. In-depth analysis of the concepts, features and forms of tolerance allows us to understand how different ideas about tolerance are among different peoples, people of different eras and living standards. And on the basis of this analysis, it is possible to develop a strategy of development and education, which will form the skills of mutual understanding, benevolence, moral values among the youth. Based on the theoretical analysis of various studies, we will highlight the most important issues: the relationship of intolerance and aggressiveness, the relationship of tolerance and culture, the dynamic and problematic nature of human interaction, five components of tolerance (at the international level), the positive dynamics of tolerance change from the duration of interaction.

Keywords: *tolerance, communication, tolerance, intolerance, installation, extremism, intolerance, empathy, regional conflicts, local conflicts, ethnic conflicts*

For citation: Kara Zh. Yu., Brueva A. F., Susko D. M., Slepov V. A., Markelova A. S. The Problem of understanding tolerance in the context of psychology // *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik – North-Caucasian Psychological Bulletin*, 2017, no. 15/2, pp. 12–21 (in Russian).

ВВЕДЕНИЕ

На данном этапе развития общества исследование идеи толерантности, а также ее исторических воплощений является весьма актуальным, несмотря на то, что данному понятию более трехсот лет. Если же говорить о первых ее манифестациях, то они принадлежат еще временам античности. В современном же обществе одной из центральных проблем создающей препятствия для мирного существования людей является нетерпимость. Этнические конфликты, ксенофобия, дискриминация различных меньшинств, организации расистов, акты расистского насилия, экстремизм, распри между людьми, исповедующими разную веру, насилие по отношению к уязвимым группам – все это есть проявления нетерпимости. Толерантность же, в узком понимании, включает в себе отказ от насилия, признавая равенство среди людей. Так как проблемой толерантности занимаются исследователи из разных областей наук, то и имеются различные подходы к определению понятия толерантности. Стоит отметить, что понятие толерантности употребляется не только в гуманитарной сфере, но и в биологии, медицине и т.д.

В настоящее время во всем мире наиболее остро стоят проблемы, связанные с терпимостью людей по отношению друг к другу. Это обусловлено в первую очередь тем, что процессы глобализации, так или иначе, делают наше общество поликультурным, вследствие чего возникают напряженные отношения в конфессиональной, этнической и расовой сферах. Это и определяет актуальность данной темы.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

Интересно то, что у некоторых культур толерантность является имманентной, хотя при этом не выведена в отдельное понятие. К таким культурам относится культура Востока (Китай, Индия). Отличие данных культур от европейской известный немецкий психолог и социолог Э. Фромм объяснил характером любви к Богу. Основой западноевропейской культуры – аристотелевская логика, в то время как в индийской и китайской преобладает парадоксальная [1]. Тем не менее, так сложилось, нам ближе диалектическая логика. Говоря о толерантности в нашей стране, важно отметить актуальность

данной проблемы в связи с нарастанием процессов миграции, смешения, соседствование разных культур, изменением в правовой, экономической и других сферах жизни общества. Возникает вопрос: чем чреват низкий уровень толерантности? Снижение толерантности среди населения может привести к усилению напряженности, проявлениям экстремизма, региональным и локальным и иным конфликтам [2, 3].

Формирование установок толерантного сознания и поведения, имеют для многонациональной России особую актуальность. Прежде всего, это обусловлено усиленной пропагандой средств массовой информации, сохраняющейся социальной напряженностью в обществе, продолжающимися межэтническими и религиозными конфликтами, а также ростом национального экстремизма. В первую очередь, эта проблема охватывает молодое поколение нашего общества, которое формирует свое мнение под воздействием средств массовой коммуникации. Так, С.В. Клесова пишет, что проблема толерантности является одной из главных в современной России. Это связано, прежде всего, с тем, что наша страна является многонациональной, а значит, проблема межэтнических конфликтов поднимается часто в связи с сильнейшим воздействием средств массовой коммуникации, падением культурного уровня, пропагандой насилия, террора и жесткости по отношению к людям «не таким, как я» [4]. Больше всего под это воздействие попадает молодое поколение нашей страны, на которое возлагается большая ответственность за будущее. Именно поэтому необходимо формировать толерантность не только среди молодежи, но и среди всего населения России.

Проблемой толерантности занималось большое количество ученых. Проанализировав научно-литературные источники, стоит отметить, что такие авторы как: А. Г. Асмолов, И. М. Дзялошинский, Е. Ю. Клепцова, Г. У. Солдатова и т.д. показали множественность подходов к изучению толерантности [5, 6, 7, 8]. На основе этого можно сделать общий вывод – толерантность является существенной характеристикой личностного развития индивидов, которая подразумевает готовность и способность индивида жить и конструктивно действовать в многообразном мире. Именно

поэтому становление толерантности также предполагает изучение «Интолерантности». «Интолерантность – свойство этнической общности или отдельного его представителя, характеризующееся неприятием или отрицанием культуры, традиций, ценностей, поведенческих и коммуникативных моделей, образа жизни других этносов» [9]. Все же при наличии большого числа различных подходов и направлений к изучению и исследованию проблем толерантности, они все сходятся во мнении, что толерантность – это не что иное, как положительная характеристика личности человека. Другими словами, «хороший» человек – это толерантный человек, «плохой» же наоборот интолерантный. Понятие толерантность может входить в различные парадигмы и, в соответствии с этим, по-разному трактоваться. В 1995 г. была принята Декларация принципов толерантности принятой Генеральной конференцией ЮНЕСКО как попытка обобщенного понимания толерантности в целом [10].

На сегодня, многие ученые, в частности, такие как Л. М. Балабанова, Г. Л. Бардиер, Е. Г. Виноградова, Р. В. Габдреев, И. Б. Гриншпун, А. В. Зимбули, В. М. Золотухин, А. И. Ильин, Г. С. Кожухарь, В. А. Лекторский, Н. Я. Маркова, В. А. Петрицкий, А. В. Петровский, М. Рокич и другие по-своему формируют и трактуют виды и понятие толерантности. В настоящее время у современных исследователей проблемы толерантности не выработалось единого, общего понимания основных ее составляющих. В связи с этим обозначим наиболее удачный вариант структурирования разнообразия понимания толерантности, выделенные разными учеными в виде направлений: проявление толерантности как общественного сознания; концентрация на предмет воздействия толерантности; уровень проявления толерантности; ценностное содержание и внутренняя мотивация; проявление толерантного поведения; толерантность как устойчивость.

Выделим наиболее значимые грани толерантности. В различных источниках по научной литературе основная сущность толерантности как явления рассматривается, прежде всего, с позиции уважения, признание равенства, уход от насилия, исключение доминирования, признание большого разнообразия культурных

проявлений человечества и правил поведения, исключение позиции сведения все к единообразию и единообразию. Интересным видится понятие толерантности, которое выделяет С. К. Бондырева: «Толерантность – это особые отношения, которые формируются (как и всякое другое отношение) на основании оценки некоего объекта (чаще – другого индивида) благодаря постоянной связи с объектом» [11, с. 5]. При существовании множества определений понятия «толерантность» Е. А. Мезенцев считает, что все же не стоит забывать о том, что и у этого понятия должны быть свои границы. Не стоит выходить за них, дабы не привести наше современное общество к безграничной толерантности, которая только породит хаос. Ведь если в обществе будут размываться культурные запреты, то в дальнейшем это приведет к сознательному отказу от них. Автор считает, что проблеме толерантности сейчас уделяется настолько много внимания, что это не что иное, как манипуляция, которая на основе Западных идеалов лишь расширяет наши границы дозволенного, при этом забывая о том, что существуют определенные нормы и правила, о которых не стоит забывать [12].

Г. Л. Бардиер указывает, что толерантность охватывает области «социальных отношений, социального познания и социального поведения», основываясь на психические явления, изучаемые разными школами (психоаналитического, когнитивистского, бихевиористического, гуманистического, культурно-антропологического) [13].

Обозначим несколько критериев толерантности на наш взгляд представляющие сейчас наибольший интерес: 1) Г. В. Безюлева, Г. М. Шеламова и др. определяют такие компоненты толерантной личности как эмпатия, коммуникативная толерантность, критичность по отношению к себе, принятие себя и принятие других [14]; 2) рядом исследователей, таких как Г. У. Солдатова, Л. А. Шайгерова, О. Д. Шарова и др. выделяются компоненты толерантности, рассматриваемые в социальной среде: «взаиморезультативное, равноправие, сохранение и развитие культуры, возможность следовать традициям, свобода вероисповедания, сотрудничество и солидарность в решении общих проблем, позитивная лексика» [15, с. 10].

Изучение толерантности как «личностное образование», по мнению Ю. А. Ищенко, включает в себя: «адекватную самооценку; знание себя и признание других; способность к рефлексии; отсутствие тревожности; ответственность за свои поступки; чувство юмора; самообладание; терпение; отсутствие стереотипов и предрассудков; умение выражать свое несогласие и аргументировать отказ от сотрудничества» [16, с. 34].

Понятие «толерантность» рассматривают также в системе этических знаний, сравнивая его с понятием «терпимость» – моральное качество, имеющее отношение к интересам, убеждениям, верованиям, привычкам, отражающее свою позицию к поведению других людей, расположение к другому человеку, учитывая его собственные убеждения. Н. Г. Капустина, Е.Г. Левченко акцентируют внимание на понимании толерантности как уверенности в себе, понимания надежности собственных позиций [17, 18].

В.В. Богданова рассматривает понятие толерантности с этимологической точки зрения. Понимание толерантности у разных народов и стран отличается определенными акцентами, обусловленными их историческим опытом и культурой. Однако в каждом понятии толерантности существуют общие черты: «... требование уважать права других («иных»); быть такими, какие они есть; не допускать причинения им вреда, поскольку причинение вреда другому, означает причинение вреда всем, в том числе и самому себе. Общим в понимании толерантности разными народами является восприятие человеческого рода как единого и взаимозависимого...» [19, с. 22].

А. И. Кислицын выделяет некоторые основные компоненты толерантности: эмпатия и коммуникативная толерантность. Эмпатию он описывает как: «...способность к эмоциональному отклику, сопереживанию; понимание человека на уровне чувств, проникновение в переживания другого человека...» [7, с. 27]. Коммуникативная толерантность описывается как: «...характеристика отношения личности к людям, отражающая степень переносимости личностью неприятных или неприемлемых, по ее мнению, психических состояний, качеств и поступков окружающих...» [7, с. 27]. Сквозь

призму основных компонентов толерантности, А. И. Кислицын рассматривает и межэтнические отношения. Различные пути развития в религиозной и культурной жизни народов накладывают определенный негативный отпечаток на отношения между этносами. Возникновение культурных ценностей складывалось в течение многих веков и во многих случаях рассматривалось народами как единственно возможный путь развития этнической группы. Препятствием на пути развития межэтнических отношений также может являться отсутствие доверия к другой культуре. Кроме того, разногласия в фундаментальных взглядах и принципах зачастую приводят к открытым конфликтам. Такие конфликты в настоящее время развиваются как между различными культурами в процессе их взаимодействия, так и внутри отдельных многонациональных государств. Таким образом, можно сделать вывод, что в области межэтнических отношений толерантность является важнейшим инструментом, который дает возможность народам с различными культурами, со своими взглядами, находить пути мирного сосуществования, сохранять уважение к иному этносу и принимать культурно-этнические особенности друг друга [7].

Е. И. Касьянова и Н. И. Виноградова пишут, что понятие толерантность с социально-философской точки зрения «...определяется как терпимость одного социального субъекта к политическим, этническим, конфессиональным и иным особенностям другого социального субъекта, т. е. она предполагает признание мировоззренческого, религиозного, социально-политического, культурного, национального и этического плюрализма...» [20, с. 30]. Они подчеркивают, что понятие толерантности многослойно. Также в исследовании толерантности авторы анализируют деятельностный подход, выделяя при этом творческо-деятельностный характер понятия. По их мнению, взаимодействие и деятельность на основе равенства социальных партнеров главное в толерантности. Достижение согласия с помощью диалога, используя методы убеждения и разъяснения, избегая насилия и сохранения своеобразия, индивидуальности каждого и предполагает сама толерантность [20].

Е. М. Семенова в своем исследовании рассматривает психологическое и внутриличностное содержание толерантности, выделяет уровни «проявления толерантности (высокий, средний, низкий), понимая под этим разную степень выраженности данного личностного свойства» [21, с. 244]. По ее мнению, высокий уровень выраженности толерантности не всегда является более предпочтительным. Она также рассматривает важную, по ее мнению, проблему толерантности. Е. М. Семенова называет ее как «многоаспектность и неоднородность ее психологического содержания» [21, с. 244]. Она пишет, что: «...невозможно с достаточной полнотой описать толерантность в одном измерении. Это сложный и многокомпонентный феномен, имеющий несколько «базовых измерений» ...» [21, с. 245]. Автор отмечает, что понятие толерантности может пониматься в нескольких аспектах. Это может быть широкая и узкая интерпретация. При этом для естественных наук характерно именно узкое, конкретное понимание. Здесь этот термин понимается как: «... адаптация организма к внешней среде, которая выражается в ослаблении иммунологического ответа на воздействие какого-либо вещества, что способствует сохранению гомеостаза...» [21, с. 247].

Ж. Ю. Кара указывает на необходимость при исследовании толерантности учитывать внутриличностное наполнение толерантности, включающее в себя такие психологические аспекты как подлинная толерантность и межличностная толерантность [22]. В исследовании Ж. Ю. Кара, Д. В. Касьяновой показывается, что успешность формирования толерантности у детей дошкольного возраста, напрямую зависит от деятельности педагогов, психологов, включая разнообразные способы воздействия и взаимодействия с детьми. «Педагогам важно донести до детей, что толерантное поведение не принуждает насильно терпеть что-либо, а помогает людям понять и принять друг друга такими, какие они есть» [23, с. 79].

Не стоит забывать, что толерантность в первую очередь – это не уступка или снисхождение к другой нации, а, прежде всего, это признание человеческих прав и свобод, уважение другого этноса, осознание того, что в нашем мире существует множество народов, характеризующихся

своей индивидуальной культурой, языком, обычаями, религиозными и мировоззренческими убеждениями [4].

По мнению Т. А. Ефименко люди, живущие в России, совсем забыли о том, что наша страна еще издревле формировалась как многонациональная. Население, прожившее многие века, несмотря на многочисленные войны, диктаторство и смену властей – не знало, что такое межнациональная рознь, все возникающие конфликты сводились к минимуму, в людях с младенчества воспитывался дух патриотизма, единства народа, толерантность лежала в основе всего. Но что мы наблюдаем сейчас, в связи с падением культуры и образования? Все больше разжигается межнациональных рознь, которые не только разрушает нашу страну внутри, но и подрывают авторитет на международной арене, что только способствует дестабилизации нашей державы [24].

В своем исследовании А. Д. Вислова пишет, что на сегодняшний день происходит большой рост экстремизма, ксенофобии и этнофобии, столкновение разных культур, которые спровоцировала массовая миграция населения. В связи с этим, в современном мире происходят глобальные изменения и различные кризисные явления, которые влекут за собой преобразования в экономической, политической и социально-культурной сферах жизни общества, в целом, и российского, в частности. Из-за этого в жизни социума создаются предпосылки для социально-психологической напряженности. Это, в свою очередь, провоцирует межкультурные и межличностные конфликты, последствия и масштабы, которых тяжело предвидеть. И поэтому развитие толерантных установок, позволяющих интегрировать взаимоотношения между людьми, которые отличаются по культурным, социальным, религиозным, гендерным, этническим, возрастным, бытовым и др. признакам, позволит снизить обозначенные выше конфликты и разногласия. Исходя из этого, исследование проблемы формирования и развития толерантности в межличностных отношениях в подростковом и детском возрасте обретает особый смысл [25].

Одним из главных факторов, обуславливающих повышенный интерес к толерантности,

является ее научная междисциплинарность и потребность в социальной практике. В условиях политической модернизации этот процесс активно развивается и создает новые события и социальные процессы, которые способствуют возрастанию толерантности и провоцируют различные проявления интолерантности.

В результате теоретического анализа констатируем, что существуют разные точки зрения на проблему толерантности. При существующем варианте структурирования разнообразия понимания толерантности выделим некоторые. В частности, невозможность использования принципа синонимической замены, так как понятие толерантность является многокомпонентным и интерпретация его как терпимость имеет ряд причин: 1) будучи терпимым к чему-либо или кому-либо субъект является бездеятельным, пассивным, и не будет иметь взаимодействие с другим объектом, «вынужденным допущением бытия другого» (М. Б. Хомяков) [26]. 2) Проявления страданий могут существовать в субъективном опыте индивида и на физиологическом, и психологическом уровнях имеется предел возможности человека выносить страдания – практически невозможно переносить страдания и при этом остаться психически и физически здоровым, а также доброжелательно принимать непонятого другого [26]. Направленность терпимости и толерантности все же разная. Переживая страдания, мы приходим к терпимости, тогда как, переживая интерес с положительным мироощущением – к толерантности. 3) Термин «терпимость» по семантическим признакам скорее ближе к глаголу «смириться», т. е. «перестать упорствовать, покориться обстоятельствам» [27]. Термин же «толерантность», при этом, ближе к глаголу «примириться», т. е. «терпимо отнестись к чему-либо; прекратить состояние ссоры, вражды с кем-либо» [27].

Исходя из анализа эмпирических исследований, отметим:

- интолерантность тесно связана с агрессивностью и приводит к усилению контроля и психологическим защитам [29];
- у представителей различных стран выявленные и эмпирически подтвердились пять

компонентов: общая коммуникативная толерантность, субъективный контроль, этническая идентичность, присутствие свойств авторитарной личности [29];

- выявлена значимая связь толерантности с культурой той или иной страны [29];
- взаимодействие носителей различных этнокультурных ценностей имеет динамичный, часто проблемный характер, особенно в отношении социального единства [29];
- выявлена положительная динамика межгрупповой толерантности в студенческих группах в зависимости от продолжительности обучения. Также выявлена взаимосвязь показателей межгрупповой толерантности с общим показателем внутригрупповых отношений [30];
- для успешного формирования межэтнической толерантности в целом, существенное влияние оказывают социально-психологические условия. Уровень межэтнической толерантности возрастает с ростом успеваемости учащихся [31].

В целом, отметим недостаточность практических данных особенно на фоне активного роста агрессии, расширение зон межэтнических конфликтов, как на государственном, так и на мировом уровне по отношению к «не таким, как ты». Эти социальные явления больше всего оказывают влияние на молодое поколение, среди которых наблюдается катастрофический рост всевозможных форм асоциального поведения. На проявление толерантности влияет комплекс социокультурных факторов, с помощью которых происходит формирование личности. Поэтому не стоит забывать, что толерантность считается признаком высокого духовного и интеллектуального развития личности, а толерантные установки предполагают активную жизненную позицию в обществе.

Подводя общие итоги теоретического исследования в целом, хочется наметить перспективы дальнейшей работы: уточнение концептуального аппарата; пополнение эмпирической базы; наращивание научно-практических разработок, связанных с профилактикой и психологической экспертизой различных форм проявления интолерантности (экстремизма, терроризма, ксенофобии).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного теоретического анализа научных работ, можно сделать вывод о разносторонности подходов к изучению толерантности. При рассмотрении различных подходов, изучающих толерантность в работах современных исследователей, мы пришли к выводу о неоднозначности и многогранности применения этого понятия, как в науке, так и в современном обществе. Все возрастающая напряженность в отношениях между людьми на фоне происходящих трансформаций в социальной, экономической, политической, национальной сферах оставляет проблему развития и формирования толерантности, несомненно, актуальной, требующей дальнейшего изучения. Перспективу развития данного направления мы видим в формировании толерантных качеств у человека, прививая и развивая толерантность в современном обществе, для задания вектора общего гармоничного развития личности, включающего в себя сопротивление влиянию, которое вызывает чувство отчуждения и страха по отношению к другому. Необходимо развивать и формировать у современных детей и молодежи личностные качества, навыки критического осмысления, независимого мышления, выработки определенных суждений, которые основываются на культурных, этических, моральных ценностях разнообразными практическими психолого-педагогическими действиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тишков В. А. О толерантности // Этнополитический вестник России (Этнополис). – 1995. – № 5 (11). – С. 24.
2. Amiot C. E., Terry D. J., Wirawan D., et al. Changes in social identities over time: The role of coping and adaptation processes // *British Journal of Social Psychology*. – 2010. – Vol. 49, Issue 4. – P. 803–826. – DOI: 10.1348/014466609X480624
3. Brown W. *Regulating aversion. Tolerance in the age of identity and empire*. – Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2006. – 288 p.
4. Клесова С. В. Воспитание толерантности у студенческой молодежи // Молодой ученый. – 2012. – № 4. – С. 357–359.
5. Асмолов А. Г. Толерантность: от утопии к реальности. / На пути к толерантному сознанию. – М.: Смысл, 2000. – С. 4–8.
6. Дзялошинский И. М. Толерантность и мультикультурализм – ценностные ориентиры СМИ // Национальный психологический журнал. – 2011. – № 2(6) – С. 122–125.
7. Кислицин А. И. Психологические аспекты толерантности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2013. – № 4 (26). – с. 105–107.
8. Клепцова Е. Ю. Психология и педагогика толерантности: учеб. пособие для слушателей системы дополнительного профессионального педагогического образования. – М.: Академический проект, 2004. – 176 с.
9. Национально-психологическая энциклопедия – URL: <https://vocabulary.ru>
10. Декларация принципов толерантности – URL: <http://www.tolerance.ru/tolerance-deklaraciya.php>
11. Бондырева С. К., Колесов Д. В. Толерантность (введение в проблему) – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003. – 240 с.
12. Мезенцев Е. А. Проблема границ толерантности // Международный научно-исследовательский журнал. – 2015. – № 8 (39). – Ч. 5. – С. 10–12.
13. Бардиер Г. Л. Социальная психология толерантности: дисс. ... д-ра психол. наук. – СПб., 2007. – 457 с.
14. Безюлова Г. В., Шеламова Г. М. Толерантность: взгляд, поиск, решение. – М.: Вербум, 2003. – 168 с.
15. Асмолов А. Г., Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А. О смыслах понятия толерантность // Век толерантности: Научно-публицистический вестник – 2001. – Вып. 1. – С. 8–18.
16. Ищенко Ю. А. Толерантность как философско-мировоззренческая проблема // Философская и социологическая мысль. – 1990. – № 4. – С. 48–60.
17. Капустина Н. Г. Психологические особенности формирования толерантности в структуре этического мировоззрения на ранних этапах онтогенеза: монография. – Шадринск: Шадринский Дом печати, 2008. – 227 с.
18. Левченко Е. Г. Психологические условия развития толерантного поведения учителя: дисс. ... канд. психол. наук. – Красноярск, 2006. – 248 с.

19. Богданова В. В. Толерантность младших школьников: понятие, модель формирования // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. – 2006. – № 6. – С. 87–91.
20. Касьянова Е. И., Виноградова Н. И. Теоретический анализ коммуникативной толерантности // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Философия. Культурология. Социология. Социальная работа. – 2014. – № 4. – С. 28–34.
21. Семёнова Е. М. Психологическая характеристика личности с разным уровнем развития коммуникативной толерантности // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 1. – С. 244–249.
22. Кара Ж. Ю. Этническая толерантность как взаимодействие культур // Психология в вузе. – 2011. – № 5. – С. 63–72.
23. Кара Ж. Ю., Касьянова Д. В. Исследование толерантных отношений в младшем дошкольном возрасте // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. – 2017. – № 4. – С. 73–80.
24. Ефименко Н. А. Проблемы толерантности в современном обществе // Молодой ученый. – 2013. – № 11. – С. 526–527.
25. Вислова А. Д. Формирование толерантности в межличностных отношениях в детском и подростковом возрасте (на материале кабардино-балкарской республики): дисс.... д-ра психол. наук. – М., 2016. – 425 с.
26. Хомяков М. Б. Толерантность и ее границы // Национальный психологический журнал – 2011. – № 2 (6) – С. 25–33.
27. Чебыкина О. А. Системный анализ подходов к понятию «толерантность» // Психологическая наука и образование www.psyedu.ru. – 2012. – № 2. – С. 300–310.
28. Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А., Шарова О. Д. Тренинг Учимся толерантности. На пути к толерантному сознанию / Отв. ред. А. Г. Асмолов. – М., 2000. – С. 178–180.
29. Нури Т. Г. Кросскультурные особенности толерантности (на материалах Ирана и России): дисс. ... канд. психол. наук. – М., 2011. – 159 с.
30. Машарский З. В. Динамика межгрупповой толерантности студенческих групп: дисс.... канд. психол. наук. – М., 2012. – 182 с.
31. Литвинова В. Л. Социально-психологические условия формирования межэтнической толерантности российской молодежи: дисс. ... канд. психол. наук. – М., 2007. – 214 с.

REFERENCES

1. Tishkov V. About tolerance. *Ehtnopoliticheskij vestnik Rossii (Ehtnopolis) – Ethnopolitical Herald of Russia (Ehtnopolis)*, 1995, no. 5 (11), p. 24 (in Russian).
2. Amiot C. E., Terry D. J., Wirawan D., et al. Changes in social identities over time: The role of coping and adaptation processes. *British Journal of Social Psychology*, 2010, Vol. 49, Issue 4, pp. 803–826. – DOI: 10.1348/014466609X480624
3. Brown W. *Regulating aversion. Tolerance in the age of identity and empire.* Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2006. 288 p.
4. Klesova S. V. Education of tolerance among students. *Molodoj uchenyj – Young Scientist LLC*, 2012, no. 4, pp. 357–359 (in Russian).
5. Asmolov A. G. *Tolerantnost': ot utopii k real'nosti [Tolerance: from utopia to reality / On the way to a tolerant consciousness] / Na puti k tolerantnomu soznaniju /* Otv. red. A.G. Asmolov. Moscow, Meaning, 2000, pp. 4–8.
6. Dzyaloshinsky I. M. Tolerance and multiculturalism – value orientations of mass media. *Nacionalniy psychological zurnal – National psychological journal*, 2011, no. 2(6), pp. 122–125 (in Russian).
7. Kislicin A.I. Psychological aspects of tolerance. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta – Vector of science of Togliatti state University*, 2013, no. 4 (26), pp. 105–107 (in Russian).
8. Klepcova E. Ju. *Psihologija i pedagogika tolerantnosti: Ucheb. Posobie dlja slushatelej sistemy dopolnitel'nogo professional'nogo pedagogicheskogo obrazovanija [Psychology and pedagogy of tolerance].* Moscow, Akadem. proekt, 2004. 176 p.
9. Nacional'no-psihologicheskaja jenciklopedija [The national psychological encyclopedia] – <https://vocabulary.ru>
10. Deklaracija principov tolerantnosti [The Declaration of principles on tolerance] – <http://www.tolerance.ru/toler-deklaraciya.php>
11. Bondyreva S. K., Kolesov D. V. *Tolerantnost' (Vvedenie v problemu) [Tolerance (Introduction*

- to the problem)]. Moscow, Publ. Izdatel'stvo Moskovskogo Psihologo-social'nogo instituta; Voronezh, NPO «MODJeK», 2011, 240 p.
12. Mezencev E. A. The issue of the limits of tolerance. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal – International research journal*, 2015, Vol. 5, no. 8 (39), pp. 10–12 (in Russian).
 13. Bardier G. L. *Social'naja psihologija tolerantnosti* [Social psychology of tolerance]. Diss. Cand. Sci. (Psych.) Abstr. St. Petersburg, 2007. 457 p.
 14. Bezjulova G. V., Shelamova G. M. *Tolerantnost': vzgljad, poisk, reshenie* [Tolerance: view, search, solution]. Moscow, Verbum, 2003. 168 p.
 15. Asmolov A. G., Soldatova G. U., Shajgerova L. A. About meanings of the concept of «tolerance». *Vek tolerantnosti: Nauchno – publiciticheskij vestnik. – The age of tolerance: scientific and journalistic Bulletin*, 2001, V. 1, pp. 8–18 (in Russian).
 16. Ishhenko Ju. A. Tolerance as a philosophical and ideological problem. *Filosofskaja i sociologičeskaja misl – Philosophical and sociological thought*, 1990, no. 4, pp. 48–85 (in Russian).
 17. Kapustina N. G. *Psihologičeskie osobennosti formirovanija tolerantnosti v structure jeticheskogo mirovozzrenija na rannih jetapah ontogeneza* [Psychological features of tolerance formation in the structure of ethical Outlook in the early stages of ontogenesis]. Monografija, Shadrinsk, Shadrinsky house of printing, 2008, 227 p.
 18. Levchenko E. G. *Psihologičeskie uslovija razvitija tolerantnogo povedenija uchitelja* [Psychological conditions for the development of tolerant behavior of teachers]. Diss. Cand. Sci. (Psych.) Abstr. Krasnoyarsk, 2006. 248 p.
 19. Bogdanova V. V. Tolerance of younger students: concept, model of formation. *Izvestia PGU im. V. G. Belinskogo – News of PSU. V. G. Belinsky*, 2006, no. 6, pp. 87–91 (in Russian).
 20. Kas'janova E. I., Vinogradova N. I. Theoretical analysis of communicative tolerance. *Uchenye zapiski ZabGU – Scientific notes ZabGU*, 2014, no. 4, pp. 28–34 (in Russian).
 21. Semjonova E. M. Psychological characteristics of a person with different levels of development of communicative tolerance. *Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik, – Yaroslavl pedagogical Bulletin*, 2012, Vol. 1, pp. 244–249 (in Russian).
 22. Kara Zh. Ju. Ethnic tolerance as the interaction of cultures. *Psihologija v vuze. – Psychology in high school*, 2011, no. 5, pp. 63–72 (in Russian).
 23. Kara Zh. Ju., Kas'janova D. V. The study of tolerance in the younger preschool age. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Pedagogičeskie nauki. – News of the southern Federal University. Pedagogical science*, 2017, no. 4, pp. 73–81 (in Russian).
 24. Efimenko N. A. Problems of tolerance in modern society. *Molodoj uchenyj – Young scientist*, 2013, no. 11, pp. 526–527 (in Russian).
 25. Vislova A. D. *Formirovanie tolerantnosti v mezhlíčnostnyhotnoshenijah v detskom i podrostrkovomvozraste (na material Kabardino-balkarskoj respublik)* [Formation of tolerance in interpersonal relations in childhood and adolescence (based on the material of the Kabardino-Balkaria Republic)]. Diss. Cand. Sci. (Psych.) Abstr. Moscow, 2016. 425 p.
 26. Homjakov M. B. Tolerance and its limits. *Nacional'nyj psihologičeskij zhurnal – National psychological journal*, 2011, no. 2 (6), pp. 25–33 (in Russian).
 27. Chebykina O. A. Systematic analysis of approaches to the concept of «tolerance». [Elektronnyj resurs]. *Psihologičeskaja nauka i obrazovanie – Psychological science and education*, 2012, no. 2, pp. 300–310 (in Russian).
 28. Soldatova G. U., Shajgerova L. A., Sharova O. D. *Trening Učimsya tolerantnosti. Na puti k tolerantnomu soznaniyu* [Training Learn tolerance. On the way to a tolerant consciousness]. Moscow, 2000. 181 p.
 29. Nuri T. G. *Krosskul'turnye osobennosti tolerantnosti (na materialah Irana i Rossii)* [Cross-cultural peculiarities of tolerance (on the materials of Iran and Russia)]. Diss. Cand. Sci. (Psych.) Abstr. Moscow, 2011. 159 p.
 30. Masharskij Z. V. *Dinamika mezhhruppovoj tolerantnosti studenčeskijh grupp* [Dynamics of inter-group tolerance of student groups]. Diss. Cand. Sci. (Psych.) Abstr. Moscow, 2012. 182 p.
 31. Litvinova V. L. *Social'no-psihologičeskie uslovija formirovanija mezh jetnicheskij tolerantnosti rossijskoj molodezhi* [Social and psychological conditions for the formation of interethnic tolerance of Russian youth]. Diss. Cand. Sci. (Psych.) Abstr. Moscow, 2007. 214 p.

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ ЦЕЛЯМИ КОНКУРЕНЦИИ И ВЫРАЖЕННОСТЬЮ ТРЕВОЖНОСТИ У СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ

Надежда И. Спиридонова

магистрант

Южный федеральный университет

г. Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: nadya050195@yandex.ru

В статье приводятся результаты исследования взаимосвязи между целями конкуренции и выраженностью тревожности у студентов-юристов.

Основными целями конкуренции у студентов-юристов в настоящем исследовании выделены: широкий спектр знаний в области права; авторитет в глазах преподавателей; материальные блага в виде стипендий и иных выплат; уважение со стороны других студентов; лидерство как демонстрация своего высокого статуса; лучшие результаты в учебе; проявление и поддержание своей индивидуальности. Подчеркивается актуальность изучения целей конкуренции у студентов, приводится научная гипотеза, согласно которой характер взаимосвязи между целями конкуренции и выраженностью тревожности у студентов-юристов, вероятно, будет обусловлен их половой принадлежностью.

Эмпирическим объектом исследования выступили 80 студентов юридического факультета Южного федерального университета. Новизна исследования заключается в эмпирическом исследовании взаимосвязи между целями конкуренции и выраженностью тревожности у студентов-юристов.

В качестве методического инструментария применялись: авторская анкета С.Т. Джанерьян, Н.И. Спиридоновой), методика «Личностная и ситуативная тревожность» Ч. Д. Спилбергера.

В результате проведенного исследования были установлены ведущие и игнорируемые цели конкуренции у студентов-юристов; выявлено преобладание у студентов-юристов ситуативной тревожности над личностной; определено, чем обусловлен характер взаимосвязи между целями конкуренции и выраженностью тревожности у студентов-юристов.

Отмечается практическая значимость проведенного эмпирического исследования, результаты могут быть полезны как самим студентам, так и преподавателям, и будущим работодателям, которые непосредственно взаимодействуют с данной категорией людей.

В качестве перспектив исследования отмечается возможность изучения особенностей гендера, как одного из основополагающих критериев социальной категоризации, позволяющего в процессе общения относительно легко устанавливать границы группы.

Ключевые слова: конкуренция, тревожность, широкий спектр знаний, авторитет, материальные блага, уважение, лидерство, лучшие результаты, индивидуальность, студенты-юристы

Для цитирования: Спиридонова Н. И. Взаимосвязь между целями конкуренции и выраженностью тревожности у студентов-юристов // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2017. – № 15/2. – С. 22–28.

THE RELATIONSHIP BETWEEN OBJECTIVES OF COMPETITION AND SEVERITY OF ANXIETY IN LAW STUDENTS

Nadezhda I. Spiridonova

Master Student

Southern Federal University

Rostov-on-don, Russia

E-mail: nadya050195@yandex.ru

The article presents the results of the study of the relationship between the objectives of competition and the severity of anxiety among law students.

The main objectives of competition among law students in this study are: a wide range of knowledge in the field of law; authority in the eyes of teachers; material benefits in the form of scholarships and other payments; respect from other students; leadership as a demonstration of its high status; the best results in learning; manifestation and maintenance of their individuality. The urgency of studying the competition goals of students is emphasized, the scientific hypothesis is given, according to which the nature of the relationship between the competition goals and the anxiety of law students is likely to be due to their gender.

The empirical object of the study was students of the law faculty of the Southern Federal University. Respondents were students of the faculty of law, students of other specialties did not participate in the empirical study. The novelty of the research is the empirical study of the relationship between the goals of competition and the severity of anxiety among law students.

As methodological tools were used: original questionnaire S. T. Dzhaneryan, N. I. Spiridonova, method «Personal and situational anxiety» Charles D. Spielberger.

As a result of the study, the leading and ignored objectives of competition among law students were established; the predominance of situational anxiety over personal anxiety among law students was established; the nature of the relationship between the objectives of competition and the severity of anxiety among law students was determined.

The practical significance of the empirical research is noted, the results can be useful both for students and teachers, and future employers who interact directly with this category of people.

As the prospects of the study, the possibility of studying the features of gender as one of the fundamental criteria of social categorization, which allows in the process of communication relatively easy to establish the boundaries of the group.

Keywords: *competition, anxiety, a wide range of knowledge, authority, material benefits, respect, leadership, best results, individuality, law students*

For citation: *Spiridonova N. I. The relationship between the objectives of competition and the severity of anxiety in law students // Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik – North-Caucasian Psychological Bulletin, 2017, no. 15/2, pp. 22–28 (in Russian).*

ВВЕДЕНИЕ

Подготовка конкурентоспособного специалиста является одной из основных задач образовательного процесса, а одним из самых актуальных направлений психологического изучения жизненных стратегий является исследование конкурентных стратегий в образовании [1, 2]. Такая специфичная сфера, как юриспруденция, требует высокого уровня конкурентоспособности не только из-за большого количества специалистов в данной сфере, но и не устоявшихся стандартов поведения в юридической среде. Количество частных конкурирующих юридических фирм растет с каждым годом, что, в свою очередь, создает потребность во все более и более квалифицированных кадрах, которые формируются в вузах соответствующего профиля. Предугадав мотивы и цели будущего работника, можно с большой долей вероятности предположить ту самоотдачу и производительность, которую можно получить от такого сотрудника. Более того, именно «конкуренция стимулирует инновации и благодаря ей у нас есть средства к существованию» [3].

Теоретическая психология ориентирует исследователей на комплексное изучение феноменов, порождаемых социально-экономической ситуацией в обществе [4, 5]. В качестве такого феномена предлагается рассмотреть цели конкуренции у студентов-юристов во взаимосвязи с уровнем выраженности у них тревожности.

Предметом исследования являются цели конкуренции у студентов юридического факультета и степень выраженности у них тревожности. Целью выступает взаимосвязь между целями конкуренции и выраженностью тревожности у студентов-юристов. В качестве эмпирического объекта настоящего исследования выступают 80 студентов юридического факультета Южного федерального университета в г. Ростове-на-Дону. Гипотеза исследования: характер взаимосвязи между целями конкуренции и выраженностью тревожности у студентов-юристов будет обусловлен их половой принадлежностью.

МЕТОДИКИ

При проведении исследования применялся следующий методический инстру-

ментарий: авторская анкета С.Т. Джанерьян, Н.И. Спиридоновой, методика «Личностная и ситуативная тревожность» Ч.Д. Спилбергера. Применялись следующие статистические методы непараметрической статистики: критерий Вилконсона, Манна-Уитни, коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Теоретическая база исследования включает труды таких авторов, как: И.В. Афанасенко, С.Т. Джанерьян (о стратегии личности), работы о закономерностях и этапах профессионального становления личности: Е.Ю. Акимова (этап профессиональной подготовки в вузе); И.Г. Шендрик (обучение в вузе в период взрослости) и ряд других исследований и научных трудов [6, 7, 8].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Начав анализ результатов с целей конкуренции студентов-юристов (Таблица 1), полагаю необходимым определить цель конкуренции как удержание и отбор ресурсов у конкурентов, и, впоследствии, расширение своего влияния. Ресурсами, в данном случае, могут выступать как объекты материального мира (лучшие условия учебы, получение денежных средств в виде стипендий и др.), так и нематериальные (повышенное внимание к своей персоне, уважение со стороны других студентов, преподавателей и т.д.). При этом следует отметить, что в изучаемый период – период студенчества, – зачастую принимаются новые цели, ценности, убеждения и виды деятельности [9, 10]. Во взаимосвязи с целями конкуренции находится конкурентная стратегия, под которой понимается соответствующую учебным мотивам и целям субъекта долговременную и устойчивую форму организации конкурентных специфических действия, направленных на достижение этих мотивов и целей [8].

Проведенное эмпирическое исследование показало, что ведущей целью конкуренции и у девушек, и у юношей-юристов является широкий спектр знаний, под которым понимается их большой диапазон. Указанный факт может свидетельствовать о том, что студенты-юристы, в целом, придерживаются мнения относительно необходимости знаний и их возможности решать практически любую поставленную перед человеком задачу.

Игнорируемой целью конкуренции у деву-

шек-юристов является лидерство, а у юношей – материальные блага. Игнорирование цели конкуренции «Лидерство» может свидетельствовать о том, что девушки, как правило, относятся к лидерству, как к некоей вынужденной мере, уступая в этом отношении юношам. Выявленные закономерности у юношей-юристов можно объяснить отрицанием для них первостепенной важности материальных благ и выдвижение на первый план, помимо широкого спектра знаний, проявление своей индивидуальности и показ наилучших результатов в учебе.

С помощью критерия Вилкоксона было выявлено преобладание целей конкуренции у студентов-юристов. Так, у девушек-юристов цель конкуренции «Авторитет» больше, чем «Широкий спектр знаний» на 81,5 % ($Z=3,73$ при $p=0,00019$), «Материальные блага» больше «Широкий спектр знаний» на 77,5 % ($Z=3,32$ при $p=0,0009$), «Уважение студентов» больше «Широкий спектр знаний» на 79 % ($Z=3,52$ при $p=0,0004$), «Лучшие результаты» больше «Широкий спектр знаний» на 73 % ($Z=2,57$ при $p=0,010$), «Уважение студентов» больше «Лучшие результаты» на 67 % ($Z=2,005$ при $p=0,0045$), «Лидерство» больше «Лучшие результаты» на 77 % ($Z=3,202$ при $p=0,0014$), «Лидерство» больше «Индивидуальность» на 81 % ($Z=3,62$ при $p=0,0003$), «Индивидуальность» больше «Широкий спектр знаний» на 76 % ($Z=3,082$ при $p=0,002$).

У юношей-юристов выявлены иные закономерности: «Авторитет» больше «Широкий спектр знаний» на 77 % ($Z=3,202$ при $p=0,0014$), «Материальные блага» больше «Широкий спектр знаний» на 85 % ($Z=4,26$ при $p=0,00002$), «Материальные блага» больше «Авторитет» на

71 % ($Z=2,433$ при $p=0,0149$), «Материальные блага» больше «Уважение студентов» на 72,5 % ($Z=2,687$ при $p=0,0071$), «Материальные блага» больше «Лидерство» на 67,5 % ($Z=1,972$ при $p=0,048$), «Материальные блага» больше «Лучшие результаты» на 72 % ($Z=2,56$ при $p=0,00104$), «Материальные блага» больше «Индивидуальность» на 79 % ($Z=3,52$ при $p=0,00042$), «Уважение студентов» больше «Широкий спектр знаний» на 74 % ($Z=2,88$ при $p=0,0039$), «Лидерство» больше «Широкий спектр знаний» на 78 % ($Z=3,43$ при $p=0,0006$), «Лучшие результаты» больше «Широкий спектр знаний» на 77 % ($Z=3,042$ при $p=0,0023$), «Лидерство» больше «Индивидуальность» на 81 % ($Z=3,62$ при $p=0,0003$), «Индивидуальность» больше «Широкий спектр знаний» на 76 % ($Z=3,082$ при $p=0,002$).

С помощью критерия Манна-Уитни была произведена попытка выявить различия в целях конкуренции у девушек и юношей – юристов. На статистически значимом уровне различий в преобладании целей конкуренции выявлено не было.

Продолжая анализировать полученные эмпирические результаты, отметим, что тревожность представляет собой некую склонность индивида к переживанию тревоги и используется для обозначения относительно устойчивых индивидуальных различий в склонности индивида испытывать это состояние. При этом выделяется личностная тревожность, как склонность воспринимать подавляющее количество ситуаций, как угрожающих, и ситуативная тревожность, как отражение состояния человека в настоящий момент времени, проявляющееся в излишнем напряжении

Таблица 1

Цели конкуренции у студентов-юристов

Переменные	Average Ranks	Sum of Ranks	Average Ranks	Sum of Ranks
	девушки		юноши	
Широта спектра знаний	5,50	231,0	5,446	457,5
Авторитет	3,82	160,5	3,803	319,5
Материальные блага	3,51	147,5	3,059	257,0
Уважение студентов	3,31	139,0	3,595	302,0
Лидерство	3,02	127,0	3,434	288,5
Лучшие результаты	4,59	193,0	4,357	366,0
Индивидуальность	4,24	178,0	4,303	361,5

и беспокойстве [9, 10, 11]. Тревожность, как черта личности, связана с генетически детерминированными свойствами функционирующего мозга человека, которые, в свою очередь, обуславливают постоянно повышенный уровень эмоционального возбуждения. Данная форма тревожности, наряду с повышенной ситуативной тревожностью, вызываемой различными стрессорами, приводит к усилению стресса, развитию дистресса и разнообразных психосоматических заболеваний [12, 13, 14]. Ситуативная тревожность соразмерно временному эмоциональному состоянию, которое вызвано действием содержащих для индивида реальную или воображаемую опасность факторов, в том время как личностная тревожность отражает довольно стабильное индивидуальное свойство, определяющееся тенденцией субъекта воспринимать угрозу собственной личности и готовностью реагировать на это повышением тревоги в условиях даже небольшой опасности или напряжения [15].

Так, у девушек-юристов установлено преобладание ситуативной тревожности над личностной тревожностью на 72 % ($Z=2,56$ при $p=0,0104$), а у юношей – на 69 % ($Z=2,24$ при $p=0,0249$). Статистически значимые различия по преобладанию определенного типа тревожности между девушками и юношами – юристами не установлено.

Следующий исследовательский шаг – это определение взаимосвязи между целями конкуренции и выраженностью тревожности у студентов-юристов (Таблица 2).

Таблица 2

Взаимосвязь между целями конкуренции и выраженностью ситуативной тревожности у девушек-юристов

Переменные	Spearman	p-level
Цель конкуренции (Уважение студентов) & Ситуативная тревожность	-0,360	0,019

У девушек-юристов с низким уровнем ситуативной тревожности преобладает цель конкуренции «Уважение студентов». Это означает, что для не тревожного, спокойного состояния девушки-юриста преобладающей целью является уважение со стороны других студентов.

У юношей эмпирически не установлена взаимосвязь между целями конкуренции и выраженностью тревожности.

ВЫВОДЫ

1. Ведущие цели конкуренции схожи у девушек и юношей – юристов. Игнорируемые цели конкуренции, в свою очередь, обусловлены половой принадлежностью студентов.
2. Независимо от половой принадлежности студентов-юристов у них преобладает ситуативная тревожность.
3. Характер взаимосвязи между целями конкуренции и выраженностью тревожности у студентов-юристов обусловлен их половой принадлежностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джанерьян С. Т., Берлова Т. Н. Содержание контекстного компонента стратегии учебно-профессиональной карьеры и его взаимосвязь с уровнем учебной и профессиональной дезадаптации работающих студентов // Наука и современность. Материалы XXX Международной научно-практической конференции. – Новосибирск: Изд-во ЦРНС, 2014. – 108 с.
2. Синягин Ю. В., Переверзина О. Ю., Яковлева Ю. А., Полякова А. В. Основные подходы к исследованию жизненных стратегий личности // Акмеология. – 2010. – № 1. – С. 27–35.
3. По Бронсон, Эшли Мерример. Царь горы. Пробивной характер и психология конкуренции. – М.: ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2014. – С. 4.
4. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. – М.: Изд-во Прогресс, 1986. – 420 с.
5. Глейтман Г., Фридлунд А., Райсберг Д. Основы психологии / Под ред. В.Ю. Большакова, В.Н. Дружинина. – СПб.: Речь, 2001. – 1247 с.
6. Джанерьян С. Т., Афанасенко И. В. Я-концепция как детерминанта карьерной стратегии у мужчин и женщин – представителей экономических профессий // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2005. – № 3. – С. 180–186
7. Акимова Е. Ю. Проблемы психологии профессионального становления государственных служащих: монография. – Рыбинск: ООО «Принт-Сервис», 2011. – 165 с.

8. Шендрик И. Г. Кризис идентичности и образование в период взрослости // Мир психологии. – 2004. – № 2. – С. 98–106.
9. Lundgren D. C., Schwab M. R. Perceived appraisals by others, self-esteem, and anxiety // Journal of Psychology. – 1977. – Vol. 97. – pp. 205–213.
10. Spielberger C. D. Anxiety: Current trends in theory and research. – N.Y., 1972. – Vol. 1. – pp. 24–55.
11. Zinbarg R. E., Barlow D. H., Hertz R. M. Cognitive-behavioral approaches to the nature and treatment of anxiety disorders // Annual Review of Psychology. – 1992. – Vol. 43. – pp. 235–267.
12. Араkelов Г. Г., Лысенко Н. Е., Шотт Е. К. Психофизиологический метод оценки тревожности // Психологический журнал. – 1997. – Т. 18. – № 2. – С. 102–113.
13. Соловьев В. Н. Адаптация, стресс, здоровье: учебно-методическое пособие. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2005. – С. 55–61.
14. Ader R., Cohen N. Psychoneuro immunology: conditioning and stress // Annual Review of Psychology. – 1993. – Vol. 44. – P. 53–85.
15. Забродин Ю. М., Бороздина Л. В., Мусина И. А. К методике оценки уровня тревожности по характеристикам временной перцепции // Психологический журнал. – 1989. – Т. 10. – № 5. – С. 87–94.
3. По Bronson, Ashley Merriman. *Tsar' gory. Probivnoj harakter i psihologiya konkurencii* [King of the hill. Penetrating character and psychology of competition]. Moscow, OOO «Mann, Ivanov i Ferber», 2014. p. 4
4. Berns R. *Razvitie YA-koncepcii i vospitanie* [Development I-concept and education]. Moscow, Publishing house Progress, 1986, 420 p.
5. Glejtman G., Fridlund A., Rajsberg D. *Osnovy psihologii* [Fundamentals of psychology]. Under the editorship of V. Y. Bolshakov, V. N. Druzhinina. St. Petersburg, Speech, 2001. 1247 p.
6. Dzhaner'yan S. T., Afanasenko I. V. *YA-koncepciya kak determinanta kar'ernoj strategii u muzhchin i zhenshchin – predstavitelej tekhnonomicheskijh professij*. [Self-concept as determinant of career strategy for men and women representatives tekhnonomicheskijh occupation]. Severo-Kavkazskij psikhologicheskij vestnik – North-Caucasian Psychological Bulletin, 2005, № 3, pp. 180–186 (in Russian).
7. Akimova E. Yu. *Problemy psihologii professional'nogo stanovleniya gosudarstvennyh sluzhashchih: monografiya* [Problems of psychology of professional development of public servants: monograph]. Rybinsk: LLC «Print-Service», 2011. 165 p.
8. Shendrik I. G. Identity crisis and education in the period of maturity. *Mir psihologii – The World of psychology*, 2004, no. 2, pp. 98–106 (in Russian).
9. Lundgren D. C., Schwab M. R. Perceived appraisals by others, self-esteem, and anxiety. *Journal of Psychology*, 1977, Vol. 97, pp. 205–213.
10. Spielberger C. D. Anxiety: Current trends in theory and research. N.Y., 1972. Vol. 1, pp. 24–55.
11. Zinbarg R. E., Barlow D. H., Hertz R. M. Cognitive-behavioral approaches to the nature and treatment of anxiety disorders. *Annual Review of Psychology*, 1992, Vol. 43, pp. 235–267.
12. Arakelov G. G., Lysenko N. E., Shott E. K. Psychophysiological method of anxiety assessment. *Psihologicheskij zhurnal – Psychological journal*, 1997, Vol. 18, no. 2, pp. 102–113 (in Russian).
13. Solov'ev V. N. *Adaptaciya, stress, zdorov'e: uchebno-metodicheskoe posobie* [Adaptation,

REFERENCES

1. Dzhaner'yan S. T., Berlova T. N. *Soderzhanie kontekstnogo komponenta strategii uchebno-professional'noj kar'ery i ego vzaimosvyaz' s urovnem uchebnoj i professional'noj dezadaptacii rabotayushchih studentov* [The context component of the strategy teaching and professional career and its relationship with the level of educational and occupational maladjustment of working students] Science and modernity. Proceedings of the XXX International scientific-practical conference. Novosibirsk: publishing house of CRNS, 2014. 108 p.
2. Sinyagin Yu. V., Pereverzina O. Yu., Yakovleva Yu. A., Polyakova A. V. Basic approaches to the study of the life strategies of the personality. *Akmeologiya – Acmeology*, 2010, no. 1, pp. 27–35 (in Russian).

- stress, health: educational and methodical manual]. Izhevsk, Publishing house «Udmurt University», 2005. pp. 55–61.
14. Ader R., Cohen N. Psychoneuro immunology: conditioning and stress. *Annual Review of Psychology*, 1993, Vol. 44, pp. 53–85.
15. Zabrodin Yu. M., Borozdina L. V., Musina I. A. To the method of assessing the level of anxiety by the characteristics of time perception. *Psihologicheskij zhurnal – Psychological journal*, 1989, Vol. 10, no. 5. pp. 87–94 (in Russian).

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ДЕПРЕССИВНЫХ СОСТОЯНИЙ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Каринэ А. Бабиянц

кандидат психологических наук, доцент

Южный федеральный университет

г. Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: bakart@sfedu.ru

Маргарита И. Шульжицкая

магистрант

Южный федеральный университет

г. Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: felsy@mail.ru

Статья посвящена исследованию особенностей проявления депрессивных состояний в подростковом возрасте, отмечается необходимость ранней диагностики таких состояний и значимости их своевременной коррекции для сокращения риска возникновения нежелательных тенденций в развитии личности подростков.

В статье излагаются актуальные аспекты депрессии, которые могут проявляться в подростковом возрасте. Отмечается, что депрессия у подростков протекает нечетко, со множеством разновидностей и многообразием клинико-психопатологических границ, что затрудняет диагностику этого эмоционального расстройства, вызывает противоречивость классификации проявления в подростковом возрасте депрессии как эмоционального расстройства, которое чрезвычайно сложно диагностировать в связи с многообразием и разновидностью проявлений, нечеткостью клинико-психопатологических границ, противоречивостью классификации.

В теоретической части рассматриваются подходы к пониманию подростковой депрессии в отечественной и зарубежной психологической литературе, большое внимание уделяется современной статистике развития депрессии в подростковом возрасте.

Объектом исследования выступили 25 подростков в возрасте от 12 до 13 лет (12 девочек и 13 юношей). Методы и методики исследования: наблюдение, шкала депрессии М. Ковач; Шкала явной тревожности СМАС (адаптация А.М. Прихожан для подростков); Гиссенский опросник соматических жалоб (авторская адаптация для подростков).

В ходе эмпирического исследования делаются выводы о том, что выраженность тревожности у депрессивных подростков намного выше, чем у здоровых, соматические симптомы, связанные с истощением и ревматическими болями, встречаются чаще, чем у здоровых подростков. Устанавливается взаимосвязь шкал истощения, желудочных и сердечных соматических жалоб с уровнем депрессии. Для подтверждения полученных выводов приводятся результаты статистического анализа.

Новизна исследования заключается в умении авторов показать, что соматические симптомы у подростков с депрессией проявляются чаще, чем у здоровых и что депрессия может проявляться в виде тревожности, психоэмоционального напряжения и психосоматических симптомов.

Теоретическая значимость исследования заключается в анализе современных представлений, как отечественных, так и зарубежных авторов, о проявлениях депрессии в подростковом возрасте. Практическая значимость исследования состоит в достоверности взаимосвязи между уровнем тревожности подростков и уровнем их депрессии; в том, что риск возникновения депрессии одинаково выражен у юношей и девушек (по 25 %), а субдепрессивные состояния у них также представлено поровну (по 35 %).

Ключевые слова: депрессия, подростковый возраст, соматические жалобы, тревожность, здоровье, группа риска, эмоциональные состояния, диагностика, норма, патология

Для цитирования: Бабиянц К. А., Шульжицкая М. А. Особенности проявления депрессивных состояний в подростковом возрасте // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2017. – № 15/2. – С. 29–38.

PECULIARITIES OF MANIFESTATION OF DEPRESSIVE STATES IN ADOLESCENT AGE

Karine A. Babiyants

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor

South Federal University

Rostov-on-Don, Russia

E-mail: bakart@sfedu.ru

Margarita I. Shulzhitskaya

Master Student

South Federal University

Rostov-on-Don, Russia

E-mail: felsy@mail.ru

The article is devoted to the study of the peculiarities of the manifestation of depressive states in adolescence, the need for early diagnosis of such conditions and the importance of their timely correction to reduce the risk of unwanted tendencies in the development of the personality of adolescents.

The article presents current aspects of depression, which can manifest themselves in adolescence. It is noted that depression in adolescents is unclear, with a multitude of varieties and a variety of clinical and psychopathological boundaries, which makes it difficult to diagnose this emotional disorder, causes inconsistency in the classification of adolescent depression as an emotional disorder that is extremely difficult to diagnose due to the variety and variety of manifestations, fuzzy clinical-psychopathological boundaries, inconsistency of classification.

In the theoretical part, approaches to understanding teenage depression in domestic and foreign psychological literature are considered, much attention is paid to modern statistics of the development of depression in adolescence.

The subject of the study was 25 teenagers aged 12 to 13 years (12 girls and 13 boys). Methods and methods of the study: observation, depression scale M. Kovacs; Scale of apparent anxiety CMAS (adaptation of A.M. Prihozhan for adolescents); The Giessen questionnaire of somatic complaints (author adaptation for adolescents).

In the course of the empirical study, conclusions are drawn that anxiety in depressed adolescents is much higher than in healthy ones, somatic symptoms associated with exhaustion and rheumatic pain are more common than in healthy adolescents. The relationship between depletion scales, gastric and cardiac somatic complaints is correlated with the level of depression. To confirm these conclusions, we present the results of statistical analysis.

The idea of the authors was to show that somatic symptoms in adolescents with depression appear more often than in healthy ones and that depression can manifest itself in the form of anxiety, emotional stress and psychosomatic symptoms.

The theoretical significance of the study lies in the analysis of modern ideas, both domestic and foreign authors, about the manifestation of depression in adolescence. The practical significance of the study is the reliability of the relationship between the level of anxiety of adolescents and the level of their depression; in that the risk of depression is equally expressed in boys and girls (25 % each), and depressive states are equally represented (35 % each).

Keywords: *depression, adolescence, somatic complaints, anxiety, health, risk group, emotional states, diagnostics, norm, pathology*

For citation: Babiyants K. A., Shulzhitskaya M. I. Peculiarities of manifestation of depressive states in adolescent age // *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik – North-Caucasian Psychological Bulletin*, 2017, no. 15/2, pp. 29–38 (in Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Современный подросток живет в сложном по своему содержанию и тенденциям развития мире. Сегодня эмоциональное неблагополучие подростков является объектом пристального внимания педагогов, психологов, социальных работников, родителей и воспитателей. Своевременная и качественная диагностика подобного неблагополучия, адекватные коррекционные меры могут уменьшить риск возникновения нежелательных тенденций в развитии личности. Одно из ярких проявлений подобного неблагополучия – депрессивные состояния [1, 2, 3, 4].

Депрессия – серьезное эмоциональное расстройство, которому подвержены люди всех возрастов, включая детей и подростков. Она влияет на весь организм человека, на его чувства, мысли и поступки, а также на его социальную адаптацию [5, 6, 7, 8, 9, 10]. Проблема депрессии находится в центре внимания многих исследователей разных стран [11, 12, 13, 14]. Сложность ее изучения обусловлена многообразием и разновидностью проявлений, не однотипностью в понимании термина «депрессия» (заболевание, симптом, синдром), нечеткостью клинико-психопатологических границ, противоречивостью классификации [15, 16, 17, 18].

Распространенность депрессии у детей и подростков за последние 10–20 лет значительно увеличилась, при этом стала чаще выступать в форме соматизированных депрессий [5, 19, 20, 21]. Серьезность проблемы депрессивных состояний у детей в настоящее время подтверждается данными Американской академии детской и юношеской психиатрии, Национальной ассоциации психического Эпидемиология нервно-психической и психосоматической заболеваемости здоровья США, Центра психиатрического обслуживания [4].

Психиатр Рамин Моджтабай и его коллеги из Университета Джонса Хопкинса (Johns Hopkins University) задались целью узнать, увеличился ли уровень депрессии среди подростков за последнее десятилетие. Они проанализировали федеральные данные глубинных интервью в период с 2005 по 2014 год и обнаружили, что уровень депрессии значительно повысился:

около полутора миллиона подростков, три четверти из которых девочки, могли иметь данный диагноз [11].

Значимость нашего исследования заключается в том, что подростковую депрессию очень трудно диагностировать. Проблема подростковых депрессий на сегодняшний день изучена недостаточно, так как первые упоминания о ней появились лишь в XX столетии в зарубежных исследованиях, например, в работах Раттера и Эйслера. Особенный интерес к ней стал проявляться лишь в начале XXI века с развитием педагогической и возрастной психологии [13]. Вследствие этого представляется актуальным изучить особенности подростковой депрессии и причины ее возникновения.

МЕТОДЫ

Целью нашего исследования стало изучение особенностей проявления депрессивных состояний в подростковом возрасте. Мы предположили, что депрессивные состояния у подростков могут проявляться в виде психосоматических симптомов, тревожности, психоэмоционального напряжения.

Объектом исследования стали подростки в возрасте от 12 до 13 лет, которые обучаются в седьмом классе средней школы города Ростова-на-Дону. Для обеспечения репрезентативности выборки, ее однородности и случайности, были выбраны два класса средней общеобразовательной школы, в которых были примерно поровну представлены подростки женского и мужского пола. В общей сложности 25 респондентов, из них 12 девочек и 13 юношей. Методиками для эмпирического исследования стали: шкала депрессии М. Ковач; Шкала явной тревожности СМАС (адаптация А.М. Прихожан для подростков); Гиссенский опросник соматических жалоб (авторская адаптация для подростков) [22].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Согласно результатам, полученным по шкале М. Ковач (CDI) выраженное субдепрессивное состояние наблюдается у 12 % респондентов и в группу риска развития депрессивного состояния попали 24 % респондентов (Рисунок 1).

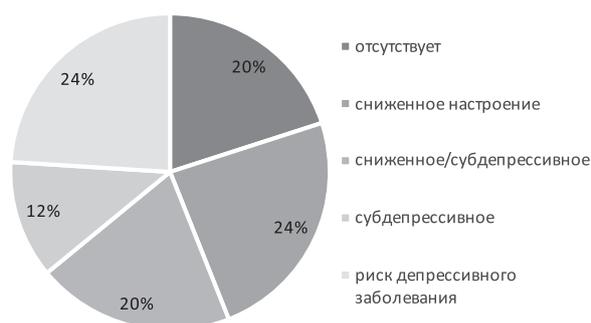

Рисунок 1. Процентное распределение респондентов по шкале депрессивных состояний М. Ковач

По половому признаку мы не обнаружили различий в степени выраженности депрессивных состояний. Среди подростков мужского и женского пола у 23 % наблюдался сниженный фон настроения и у 23 % – выявились пороговые значения между общим сниженным фоном настроения и проявлением депрессивной симптоматики на уровне субдепрессии. Выраженное субдепрессивное состояние наблюдалось у 15 % подростков обоих полов, а 15 % попали в группу риска депрессивного заболевания.

Для того чтобы проверить гипотезу на достоверность и выявить статистические различия, опрошенные были разделены на 2 группы. В первую группу вошли подростки со снижением настроения, и подростки, у которых не было выявлено депрессивное состояние.

Во вторую группу попали подростки с пороговым значением проявления депрессивных значений, субдепрессией и выраженным риском депрессивного заболевания. Эти группы были названы условно «здоровые подростки» и «депрессивные подростки».

В ходе анализа в группе здоровых и группе депрессивных подростков мы сопоставили выраженность проявлений симптомов по шкалам: негативное настроение, межличностные проблемы, неэффективность, ангедония, негативная самооценка. Выявилось, что у группы депрессивных подростков более выражены симптомы по всем шкалам, чем в группе здоровых. В группе депрессивных подростков преобладает симптоматика по шкале ангедония и негативное настроение (Рисунок 2).

Распределение тревожности в группе здоровых подростков (подростков, с отрицательным показателем депрессивного состояния и с легким снижением настроения по шкале М. Ковач) выражалось следующим образом: с нормальным показателем тревожности – 73 % подростков, с повышенным уровнем тревожности – 18 %, с отсутствием тревожности – 9 % (Рисунок 3).

Распределение тревожности в группе депрессивных подростков стало следующим: с нормальной тревожностью 43 % подростков, с повышенной тревожностью – 36 %, с явно повышенной тревожностью – 21 % (Рисунок 4.)

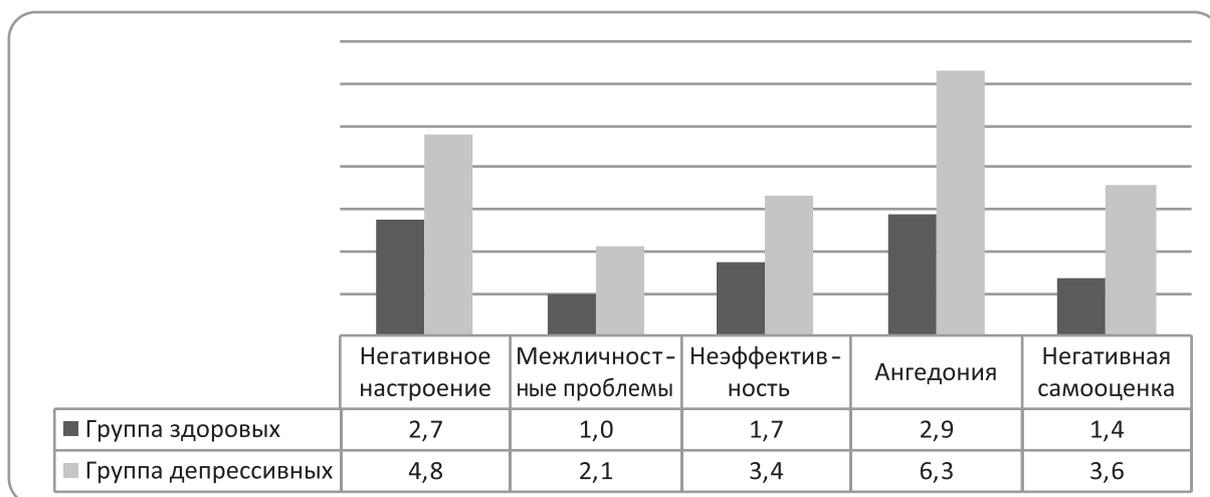

Рисунок 2. Выраженность проявлений депрессивных симптомов по шкалам у депрессивных и здоровых подростков

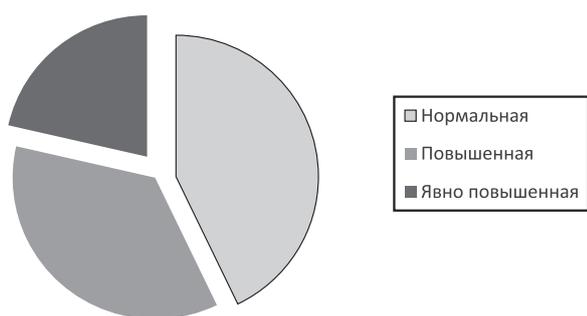

Рисунок 3. Распределение тревожности в группе здоровых подростков

Статистический анализ t-критерия Стьюдента показал значимые различия относительно тревожности в группе депрессивных и в группе здоровых подростков. Так, среднее значение тревожности в группе подростков с депрессивными состояниями оказалось выше, чем в группе с отсутствием депрессивных состояний. Это доказывает, что подростки, находящиеся в депрессивном состоянии, преимущественно испытывают высокую явную тревожность, которая носит генерализированный характер. Стоит также отметить, что у респондентов с риском депрессивного заболевания, в ходе детального

анализа ответов в шкалах по методике М. Ковач (CDI), CMAS и Гиссенского опросника соматических жалоб, выявлена тенденция к сдвоенным ответам, помаркам, зачеркиваниям, исправлениям, что может говорить о вероятном наличии скрытой тревожности, согласно методическому пособию по интерпретации данных шкалы CMAS. Поэтому мы можем предположить, что реальный уровень тревожности у некоторых подростков может оказаться выше, чем тот, который мы получили при интерпретации результатов.

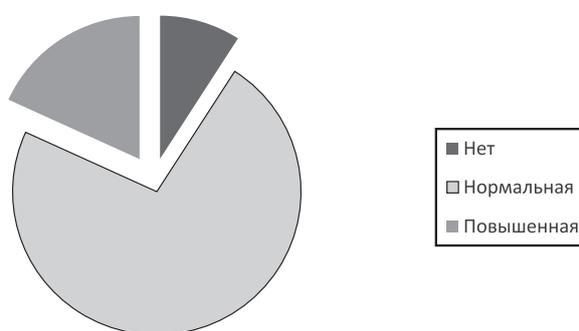

Рисунок 4. Распределение тревожности в группе депрессивных подростков

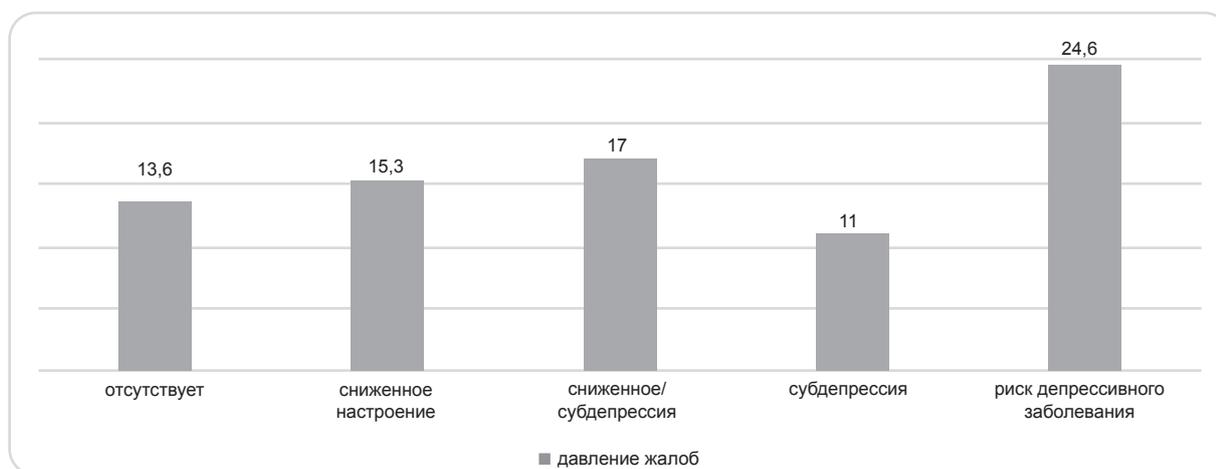

Рисунок 5. Давление жалоб у подростков с разной выраженностью депрессивного состояния

Таблица 1.

Результаты взаимосвязи депрессивных состояний и тревожности

		Депрессия	Тревожность
Корреляция Спирмена	Депрессия	Коэффициент корреляции	1,000
		N	25
	Тревожность	Коэффициент корреляции	,654**
		N	25

С помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена нами была выявлена статистически значимая положительная корреляция между уровнем выраженности депрессии и уровнем тревожности. Это значит, что два исследованных фактора имеют высокий уровень взаимосвязанности между собой (Таблица 1). Причины такой взаимосвязи могут стать предметом дальнейших исследований.

После установления значимых взаимосвязей между депрессивной симптоматикой и тревожностью, были проанализированы данные шкал, согласно Гиссенскому опроснику соматических жалоб. Была установлена тенденция распределения показателя общего давления жалоб при увеличении значения в ответах респондентов по шкале депрессии

М. Ковач и рассмотрено распределение общего показателя давления жалоб по группам подростков с различной степенью выраженности депрессивного состояния. Самое высокое значение давления жалоб соответствовало выборке подростков с риском депрессивного заболевания (Рисунок 5).

Мы рассчитали средние показатели по четырем шкалам симптомов, сгруппированным по признаку их локализации, в двух исследуемых нами группах (Рисунок 6).

В группе депрессивных подростков наблюдались более высокие баллы по шкале ревматического фактора и также по шкале истощения. Нами использовался t-критерий Стьюдента для определения статистически значимых различий между показателями жалоб по всем шкалам в двух группах (Таблица 2).

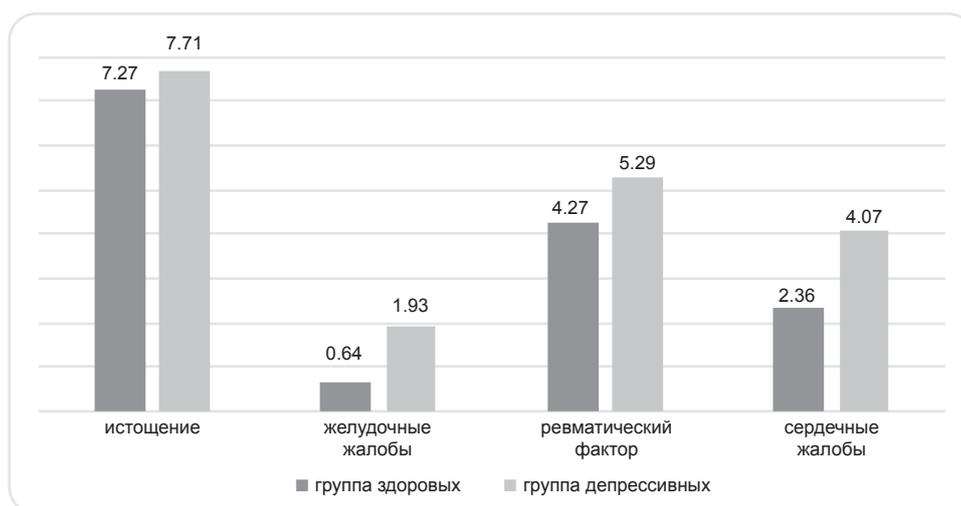

Рисунок 6. Уровень соматических жалоб по шкалам в двух группах подростков

Значимые различия между показателями группы депрессивных подростков и здоровых отмечают только по шкале желудочных жалоб. В остальных случаях выбранный статистический метод не показал значимых различий. Однако, в ходе более подробного анализа, было выявлено, что в группе здоровых подростков преимущественно выделяются: ощущение слабости, повышенная сонливость, расстройства зрения, головные боли, чувство усталости, ощущение оглушенности, вялость, уменьшение веса, ощущения давления в голове. В группе депрессивных подростков были особо отмечены следующие симптомы: склонность

к слезам, очень сильная усталость, утомляемость, боли в пояснице, спине, шее, плечевых суставах, спазм в руке при письме, отсутствие аппетита, чувство тяжести в ногах, сильный голод. Такие жалобы обычно не встречаются в группе здоровых подростков.

Для определения взаимосвязи проявления психосоматических симптомов с депрессией и тревожностью были рассчитаны корреляции показателей по шкалам Гиссенского опросника и значений депрессии и тревожности (Таблица 3). Анализ корреляции показал среднюю положительную взаимосвязь уровня проявлений депрессивных симптомов со шкалами истоще-

Таблица 2.

Значимые различия между двумя группами подростков по шкалам Гиссенского опросника

		t-критерий для равенства средних показателей				
		Значение разности	Средняя разность.	Двухстороннее значение разности	Средняя разность	Средне-квадратичная ошибка разности
Желудочные жалобы	Дисперсии равны	-1,901	23	,070	-1,29221	,67980
	Дисперсии не равны	-2,013	21,8	,057	-1,29221	,64192
Истощение	Дисперсии равны	-,184	23	,856	-,44156	2,40141
	Дисперсии не равны	-,170	13,6	,868	-,44156	2,59777
Ревматические жалобы	Дисперсии равны	-,704	23	,488	-1,01299	1,43816
	Дисперсии не равны	-,669	16,2	,513	-1,01299	1,51462
Сердечные жалобы	Дисперсии равны	-1,216	23	,236	-1,70779	1,40448
	Дисперсии не равны	-1,202	20,5	,243	-1,70779	1,42107
Давление жалоб	Дисперсии равны	-,875	23	,391	-4,45455	5,09282
	Дисперсии не равны	-,833	16,5	,417	-4,45455	5,35008

Таблица 3.

Результаты взаимосвязи депрессивных состояний и психосоматических жалоб

		Истощение	Желудочные жалобы	Ревматические жалобы	Сердечные жалобы	Давление жалоб
Уровень депрессии	Коэффициент корреляции	,472*	,410*	,316	,443*	,463*
	Значимость	,017	,042	,026	,020	
Уровень тревожности	Коэффициент корреляции	,135	,243	,228	,306	,221
	Значимость	,521	,242	,274	,136	,289

ния, желудочных, сердечных жалоб и общего давления симптомов. В то время как корреля-

ции между психосоматическими симптомами и тревожностью выявлено не было.

ВЫВОДЫ

В результате проведенного исследования мы можем сделать выводы о том, что:

1. У 25 % девушек и 25 % юношей выражен риск возникновения депрессии, у 38 % юношей и девушек выявлена симптоматика субдепрессивного состояния.

2. Выраженность тревожности у депрессивных подростков намного выше, чем у здоровых подростков. Также имеется тенденция

к наличию скрытой тревожности. Установлена достоверная взаимосвязь между уровнем тревожности и уровнем депрессивного состояния у подростков.

3. В группе депрессивных подростков соматические симптомы, связанные с истощением и ревматическими болями, встречаются чаще, чем у здоровых подростков. Также была установлена взаимосвязь шкал истощения, желудочных

и сердечных соматических жалоб с уровнем депрессии.

В заключении хотелось бы отметить, что гипотеза о том, что депрессия может проявляться в подростковом возрасте в виде тревожности, психоэмоционального напряжения и психосоматических симптомов подтвердилась. Наше исследование может оказать содействие дальнейшей теоретической разработке по предмету депрессии среди подростков, быть полезным в работе специалистов, задействованных в воспитании и обучении подростков – воспитателей, психологов, психотерапевтов, педагогов, социологов, врачей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдеев А. В. Стресс и депрессия в жизни человека / Инновационные процессы в научной среде. Сборник статей международной научно-практической конференции: в 4 частях. – Уфа: Омега Сайнс, 2016. – С. 162–164.
2. Забозлаева И. В., Малинина Е. В., Колмогорова В. В. Депрессии у детей и подростков: диагностика, клиника, терапия: учебное пособие. – Челябинск: Пирс, 2015. – 96 с.
3. Забозлаева И. В., Малинина Е. В., Кривулин Е. Н. Клинические особенности депрессий в детском возрасте: монография. – Челябинск: ТЕТА, 2014. – 102 с.
4. Ковалев Ю. В. О соотношении тревоги и депрессии в психопатологии // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2010. – № 2. URL: <http://medpsy.ru> дата обращения (08.08.2017).
5. Азимова Ю. Э., Ищенко К. А., Рачин А. П., Гусева М. Е. Депрессия и деменция: две стороны одной медали? // Русский медицинский журнал. – 2016. – Т. 24. – № 24. – С. 1616–1619.
6. Быков Ю. В., Беккер Р. А., Резников М. К. Резистентные депрессии. Практическое руководство. – Киев: Медкнига, 2013. – 400 с.
7. Вейн А. М., Вознесенская Т. Г., Голубев В. Л., Дюкова Г. М. Депрессия в неврологической практике. – М.: Медицинское информационное агентство, 2000. – 156 с.
8. Леонгардт М. Когда на душе стало пусто... История одной депрессии. – Ростов н/Д.: Феникс, 2012. – 192 с.
9. Родермель Т. А. Влияние информационных технологий на проявление симптоматики депрессивного состояния у подростков // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2017. – Т. 6. – № 3А. – С. 81–89.
10. Трофименко Т. Г. Депрессия без правил. – М.: Весь, 2013. – 160 с.
11. American Psychiatric Association. Diagnostic and statistical manual of mental disorders, Fourth Edition, Text Revision: DSM-IV-TR. – Washington, DC: American Psychiatric Publishing, Inc., 2000. – P.778.
12. Carta Mauro Giovanni, Altamura Alberto Carlo, Hardoy Maria Carolina *et al.* «Is recurrent brief depression an expression of mood spectrum disorders in young people? » // European Archives of Psychiatry and Clinical Neuroscience. – 2003. – no. 253 (3). – P. 49–53.
13. Kitamura T., Cloninger C. R., Fossati A., *et al.* Temperament and Character Domains of Personality and Depression 2012 // Depression Research and Treatment. – 2012. – Vol. 2012. – P.2.
14. Wiles N, Thomas L, Abel A, Ridgway N, *et al.* Cognitive behavioural therapy as an adjunct to pharmacotherapy for primary care based patients with treatment resistant depression: results of the CoBaIT randomised controlled trial // Lancet. – 2–8 February 2013. – Vol. 381. – Issue 9864. – P. 375–384.
15. МКБ-10 F3 Расстройства настроения (аффективные расстройства). Классификация психических расстройств по МКБ-10.
16. Терапия антидепрессантами и другие методы лечения депрессивных расстройств. Доклад рабочей группы CINP на основе обзора доказательных данных: монография / Под ред. В. Н. Краснова. – М., 2008. – 215 с.
17. Уэбстер Р. Родственные души. – М.: Весь, 2011. – 289 с.
18. Холл Д. Ландшафт депрессии. – М.: Алетейя, 1999. – 280 с.
19. Амбрумова А. Г. О причинах и предупреждениях самоубийств. Между здоровьем и болезнью. – М., 2013. – С. 43–45.
20. Барсукова Е. В. Тревожность – фактический индикатор состояния нервной системы / Инновационные технологии научного развития. Сборник статей международной научно-практической конференции. – Уфа: Аэтерна, 2016. – С. 114–120.

21. Япко М. Депрессия заразительна. – СПб.: Питер, 2013. – 208 с.
22. Бабиянц К. А., Шаповалова В. А. Диагностика эмоциональной сферы личности. Часть I: Дидактические рекомендации. – М.: КРЕДО, 2008. – 44 с.

REFERENCES

1. Abdeyev A. V. *Stress i depressiya v zhizni cheloveka / Innovatsionnyye protsessy v nauchnoy srede. Sbornik statey mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 4 chastyakh* [Stress and depression in human life / Innovative processes in the scientific environment. The collection of articles of the international scientific-practical conference: in 4 parts]. Ufa, Omega Science, 2016, pp. 162–164.
2. Zabolzayeva I. V., Malinina Ye. V., Kolmogorova V. V. *Depressii u detey i podrostkov: diagnostika, klinika, terapiya: uchebnoye posobiye* [Depression in children and adolescents: diagnosis, clinic, therapy: a textbook]. Chelyabinsk, Pirs, 2015. 96 p.
3. Zabolzayeva I. V., Malinina Ye. V., Krivulin Ye. N. *Klinicheskiye osobennosti depressiy v detskom vozraste: monografiya* [Clinical features of depression in childhood: monograph]. Chelyabinsk, TETA, 2014. 102 p.
4. Kovalev Yu. V. About the correlation of anxiety and depression in psychopathology. *Meditinskaya psikhologiya v Rossii: elektron. nauch. zhurnal – Medical psychology in Russia: electron. sci. journal*, 2010, no. 2. URL: <http://medpsy.ru/data/obrashcheniya/08.08.2017> (in Russian).
5. Azimova Yu. E., Ishchenko K. A., Rachin A. P., Guseva M. Ye. Depression and dementia: two sides of the same coin? *Russkij medicinskij zhurnal – Russian Medical Journal*, 2016, V. 24, no 24, pp. 1616–1619 (in Russian).
6. Bykov Yu. V., Bekker R. A., Reznikov M. K. *Rezistentnyye depressii. Prakticheskoye rukovodstvo* [Resistant Depressions. Practical guidance], Kiev, Medkniga, 2013. 400 p.
7. Veyn A. M., Voznesenskaya T. G., Golubev V. L., Dyukova G. M. *Depressiya v nevrologicheskoy praktike* [Depression in neurological practice]. M., Meditsinskoye informatsionnoye agentstvo, 2000. 156 p.
8. Leongardt M. *Kogda na dushe stalo pustoo... Istoriya odnoy depressii* [When the soul was empty... The history of one depression]. – Rostov-on-Don, Fenix, 2012. 192 p.
9. Rodermel' T.A. Influence of information technologies on the manifestation of symptoms of depressive state in adolescents. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskiye obzory i sovremennyye issledovaniya – Psychology. Historical and critical reviews and modern research*, 2017, V. 6., no 3A, pp. 81–89 (in Russian).
10. Trofimenko T. G. *Depressiya bez pravil* [Depression without rules]. – Moscow, Ves', 2013. 160 p.
11. American Psychiatric Association. *Diagnostic and statistical manual of mental disorders, Fourth Edition, Text Revision: DSM-IV-TR*. – Washington, DC: American Psychiatric Publishing, Inc., 2000. P. 778.
12. Carta Mauro Giovanni, Altamura Alberto Carlo, Hardoy Maria Carolina et al. «Is recurrent brief depression an expression of mood spectrum disorders in young people? ». *European Archives of Psychiatry and Clinical Neuroscience*, 2003, no. 253 (3), pp. 49–53.
13. Kitamura T., Cloninger C. R., Fossati A., et al. *Temperament and Character Domains of Personality and Depression 2012. Depression Research and Treatment*, 2012, Vol. 2012, P. 2.
14. Wiles N., Thomas L., Abel A., Ridgway N., et al. Cognitive behavioral therapy as an adjunct to pharmacotherapy for primary care based patients with treatment resistant depression: results of the CoBaIT randomized controlled trial. *Lancet*, 2–8 February 2013, Vol. 381, Issue 9864, pp. 375–384.
15. МКБ-10 F3 Rasstroystva nastroyeniya (affektivnyye rasstroystva). Klassifikatsiya psikhicheskikh rasstroystv po МКБ-10 [Mood disorders (affective disorders). Classification of mental disorders according to ICD-10].
16. *Terapiya antidepressantami i drugie metody lecheniya depressivnykh rasstroystv. Doklad rabochey gruppy CINP na osnove obzora dokazatel'nykh dannykh: monografiya* [Antidepressant therapy and other methods of treatment of depressive disorders. Report of the working group CINP on the basis of the review of evidence: monograph] / Pod red. V. N. Krasnova. Moscow, 2008. 215 p.

17. Uebster R. *Rodstvennyye dushi* [Related Souls]. Moscow, Ves', 2011. 289 p.
18. Khol D. *Landshaft depressii* [The landscape of depression]. – Moscow, Aleteyya, 1999. 280 p.
19. Ambrumova A. G. *O prichinakh i preduprezhdeniyakh samoubiystv. Mezhdudzdorov'yem i boleznyu* [On the causes and warnings of suicides. Between health and illness], Moscow, 2013, pp. 43–45.
20. Barsukova Ye. V. *Trevozhnost' – fakticheskiy indikator sostoyaniya nervnoy sistemy / Innovatsionnyye tekhnologii nauchnogo razvitiya. Sbornik statey mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Anxiety – an actual indicator of the state of the nervous system / Innovative technologies of scientific development. Collection of articles of the international scientific and practical conference]. Ufa, Aeterna, 2016, pp. 114–120.
21. Yapko M. *Depressiya zarazitel'na* [Depression is contagious]. St. Petersburg, Peter, 2013. 208 p.
22. Babiyants K. A., Shapovalova V. A. *Diagnostika emotsional'noy sfery lichnosti* [Diagnostics of emotional sphere of personality. Part I: Didactic recommendations.]. Chast' I: Didakticheskiye rekomendatsii, Moscow, KREDO, 2008. 44 p.

СОВРЕМЕННЫЕ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕШЕНИЯ КОГНИТИВНЫХ ЗАДАЧ В УСЛОВИЯХ СТРЕССА

Геннадий Г. Яцык

аспирант

Южный федеральный университет

г. Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: oxiefree@mail.ru

Елена В. Воробьева

доктор психологических наук, профессор

Южный федеральный университет

г. Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: evorob@sfedu.ru

Термин стресс является одним из наиболее употребляемых понятий, используемых при описании особенностей человеческого поведения и функционирования психики человека в сложных ситуациях. В условиях современных технологий, возрастающей роли коммуникации между людьми и необходимости быстро принимать решения, изучение стресса становится всё более актуальным.

В российской науке, на сегодняшний день, имеются работы, посвященные изучению поведенческого уровня стресса и его теоретическому обоснованию. Однако, при желании понять и изучить нейро- и психофизиологические особенности обеспечения мышления в условиях стресса, отечественный исследователь сталкивается с практически полным отсутствием современных русскоязычных исследований, посвященных данной проблематике, в то время, как зарубежные исследователи активно работают в данном направлении уже более десяти лет.

В настоящем исследовании рассмотрены основные психофизиологические механизмы обеспечения мышления в условиях кратковременного стресса, которые были обнаружены и описаны в современных зарубежных исследованиях. Показано, что механизмы мышления и принятия решений человеком в состоянии покоя и состоянии стресса имеют совершенно разную природу и между собой не имеют практически ничего общего. Обобщены довольно обширные сведения, касающиеся паттернов электрофизиологического и вегетативного функционирования организма во время решения когнитивных задач, как в условиях покоя, так и в условиях стресса. Выявлены имеющиеся противоречия, касающиеся наиболее характерных маркеров когнитивной деятельности в условиях стресса. Рассмотрены основные методы и способы изучения особенностей мышления в условиях стресса. Полученные данные, в целом, согласуются с большинством российских исследований в области теории стресса, а также дополняют и расширяют имеющиеся представления о психофизиологических механизмах различных моделей стрессового поведения, описанных российскими учёными.

Ключевые слова: психофизиология стресса, решение когнитивных задач, индивидуально-типологические особенности, ЭЭГ, принятие решений, темперамент, стрессоустойчивость, кратковременный стресс, умственный стресс

Для цитирования: Яцык Г. Г., Воробьева Е. В. Современные психофизиологические исследования решения когнитивных задач в условиях стресса // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2017. – № 15/2. – С. 39–49.

MODERN PSYCHOPHYSIOLOGICAL STUDIES OF SOLVING COGNITIVE TASKS IN THE STRESS STATE

Gennadii G. Iatsyk

Postgraduate student
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia
E-mail: oxiefree@mail.ru

Elena V. Vorobyeva

Doctor of psychology, Professor
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia
E-mail: evorob@sfnedu.ru

The term stress is one of the most common concepts used to describe the features of human behavior and the functioning of the human psyche in difficult situations. In the conditions of modern technologies and increasing role of communication between people, as well as the necessity of making quick decisions, the study of stress phenomenon is becoming more relevant.

Nowadays, there are a lot of studies in Russian science devoted to the analysis of the behavioral level of stress and its theoretical justification. However, if one wishes to understand and study the neuro- and psychophysiological features of the performance on cognitive tasks in terms of stress, the researcher encounters the almost complete absence of the modern Russian studies on this topic, while foreign researchers have been intensively working in this direction for more than ten years.

In the present study, the main psychophysiological mechanisms of providing thinking in the situation of short-term stress are examined, which were discovered and described in the modern foreign studies. It is shown that the mechanisms for solving cognitive tasks in the rest state and stress state differ. The information concerning the patterns of the electrophysiological and vegetative functioning of the organism during the performance of cognitive tasks, both in rest and stress conditions, is generalized. The existing contradictions concerning the specific markers of cognitive activity under stress are revealed. The main methods and ways of studying the features of thinking in the stress condition are considered. The obtained data, in general, are consistent with the majority of the Russian studies in the field of stress theory, and also supplement and expand the ideas about the psychophysiological mechanisms of thinking in the rest and stress condition.

Keywords: psychophysiology of stress, cognitive task solving, individual-typological features, EEG, decision-making, temperament, stress-resistance, acute stress, mental stress

For citation: Iatsyk G. G., Vorobyeva E. V. Modern psychophysiological studies of solving cognitive tasks in the stress state // *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik – North-Caucasian Psychological Bulletin*, 2017, no. 15/2, pp. 39–49 (in Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Термин «стресс» является одним из базовых понятий в современной психологии. Стресс – это неспецифическая системная приспособительная реакция организма на новизну, то есть на отклонение условий существования от привычных [1]. Организм человека на протяжении тысяч лет эволюции приспособился к разного рода стрессовым ситуациям, и по этой причине имеет сложно организованный аппарат функционирования в различных стрессовых условиях. В ходе эволюции все сильнее начинали проявляться внутривидовые индивидуально-типологические различия, обеспечивая тем самым достаточно большую палитру возможных стратегий поведения людей в стрессовых условиях, и, как следствие, возможность выживания отдельных особей в самых разнообразных стрессовых ситуациях [2].

Современные условия жизни имеют ряд особенностей, которые принципиально отличаются от тех условий, которые были привычны человеку на протяжении тысяч лет, а именно: быстрый темп жизни, высокий уровень технологического развития, возросшее значение межличностной коммуникации (в т.ч., с применением разнообразных современных технологий), большие физические и психологические нагрузки и т.д. Таким образом, человек все чаще подвергается воздействию разнообразных стрессорных факторов разного порядка, причем в условиях стресса (дефицита времени, ресурсов и пр.) ему необходимо эффективно решать различного рода когнитивные задачи [3]. Не вызывает сомнения, что психофизиологические исследования особенностей решения когнитивных задач в условиях стресса достаточно востребованы в разных областях психологии, т.к. человек постоянно сталкивается с необходимостью размышлять и принимать решения в условиях стресса.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

В нашей работе под когнитивными задачами понимаются арифметические задачи, тесты на вербальный и невербальный интеллект, тесты на кратковременную память, задачи на скорость и эффективность переключения внимания.

Результаты работ, выполненных в области психологии и психофизиологии стресса, являются весьма востребованными в различных

отраслях: психологии личности, лечении и профилактике ПТСР, психотерапии, психологии и психофизиологии труда и др. [4, 5]. В связи с возрастающим интересом исследователей к естественнонаучным аспектам обеспечения психической деятельности, изучение психо- и нейрофизиологических механизмов стресса, а также решения когнитивных задач в условиях стресса, привлекает всё большее внимание зарубежных ученых [6, 7, 8, 9, 10].

Цель данной работы – провести теоретический анализ результатов современных зарубежных психофизиологических исследований решения когнитивных задач в условиях стресса.

Основными структурами головного мозга, участвующими в решении когнитивных задач, являются лобные доли и префронтальная кора [11, 12, 13]. Известно, что стресс приводит к нарушению способностей к креативному мышлению, вычислительным операциям, эффективному принятию решений, а также нарушает функционирование рабочей памяти и выполнение других функций префронтальной коры головного мозга [11, 14]. Исследования с участием, как животных, так и людей, показали, что глюкокортикоиды (в частности, кортизол), секретируемые во время стресса [15], оказывают дезорганизующее действие на префронтальную кору [16], которая определяется как область мозга, наиболее чувствительная к ментальному стрессу. Однако, ряд современных исследований [12; 17] опровергают повышенную секрецию кортизола во время кратковременного стресса.

Когнитивная эффективность в условиях стресса значительно снижается, причиной тому являются различные физиологические процессы, которые активны в головном мозге в состоянии стресса. Как было показано [12, 16, 18, 19], в условиях покоя основные высшие психические функции (в том числе внимание, мышление и рабочая память) обеспечиваются активностью префронтальной коры и лобных долей головного мозга, имеющих разветвленные интернейрональные связи, как с другими отделами коры головного мозга, так и с подкорковыми структурами (гипоталамус, гиппокамп, миндалевидное тело, стриатум, базальные ганглии и др.), регулируя при этом оптимальный уровень общего энергопотенциала, требуемого для выполнения текущей деятельности.

Совсем иначе мозг начинает работать в условиях стресса. Как было показано в работах Л.А. Китаева-Смыка, ситуация воспринимается человеком как стрессовая в тех случаях, когда в памяти (фенотипической и генотипической) не имеется сведений об успешных моделях поведения в данной жизненной ситуации [2]. В этих условиях, миндалевидное тело подаёт сигнал о возросшей опасности, поднимая общий уровень психологической тревожности, и перенимает большую часть управленческих функций поведения на себя. Таким образом, в стрессовых условиях характерным является переход очагов активности из отделов коры головного мозга в подкорковые отделы, такие как гипоталамус, гиппокамп, стриатум, базальные ганглии и миндалина, которые обеспечивают примитивное, быстрое, рефлекторное, но не всегда в достаточной степени обдуманное поведение [16]. Ключевое значение в формировании паттернов стрессового поведения имеет выброс большого количества дофамина в область базальных ганглий в ситуациях успешного совладания со стрессовыми условиями [20], что способствует формированию привычек и типичных стереотипов поведения в тяжелых жизненных ситуациях, а также, вероятно, принимает участие в формировании условных рефлексов. Подобный эволюционный механизм, в некоторых случаях, способен действовать на психику и деструктивным образом, способствуя формированию алкогольной, наркотической, нервных тиков и т.д.) у взрослых индивидов, а при воздействии на детскую психику способствует формированию тревожно-мнительных черт характера [16].

Д. А. Жуков подробно описал два универсальных способа поведения в стрессовых ситуациях: активный («бей или беги») и пассивный (выжидательный). В своих работах автор доказывает, что, как правило, выбор типа реагирования зависит от индивидуально-типологических особенностей и обусловлен, прежде всего, генетически и физиологически [1].

В истории содержится много любопытных примеров, иллюстрирующих неоднозначность и сложность влияния кратковременного стресса на поведение человека. Аму F. T. Arnsten [16] описывает пример из истории Второй миро-

вой войны, когда наиболее опытные и знаменитые лётчики периода мирного времени чаще всего демонстрировали достаточно низкие результаты в стрессовых ситуациях на поле боя и разбивали свои самолёты. Д. А. Жуков [1] приводит сведения о провальном опыте выхода в открытый космос первой женщины космонавта В. В. Терешковой, после которого негласный запрет на полёты женщин в космос держался десятилетиями. В этой связи логичным представляется вывод Л. А. Китаева-Смыка о чрезвычайной сложности прогнозирования вероятного паттерна поведения человека в условиях кратковременного стресса [2].

В этой связи представляется интересным исследование C.W.E.M. Quaedflieg et al., в котором показано, что индивидуальные особенности альфа-ритма в состоянии покоя могут отражать вероятный тип реагирования в состоянии кратковременного стресса, а исследование межполушарной асимметрии выраженности индивидуального альфа-ритма является одной из актуальных задач [21].

Электрическая активность мозга во время выполнения мыслительных операций и в состоянии стресса сегодня довольно хорошо изучена. Стресс отражается на электроэнцефалограмме как десинхронизация альфа-ритма лобных долей мозга [22, 23], снижение выраженности альфа-ритма в префронтальной коре, повышение выраженности бета-ритма [23, 24], устойчивая активность правой вендролатеральной префронтальной коры (VLPFC) [11, 25, 26, 27], возрастающая межполушарная асимметрия лобных долей мозга [6, 7, 24], изменение общей активности мозга по направлению от более диффузной до точечной и сконцентрированной [21], а также снижение тета-осцилляций медиальных отделов префронтальной коры [12, 28]. Исследования, выполненные при помощи функциональной инфракрасной спектроскопии, показали умеренное увеличение активности правой вендролатеральной префронтальной коры (VLPFC) при умеренных интеллектуальных (активизирующих) нагрузках, в то время как в условиях стресса активность данного отдела коры значительно снижалась [11]. Продемонстрирована возможность использования гамма-ритмов префронтальной коры как маркера стресса [29].

В одном из исследований авторы делают предположение о том, что правополушарные области головного мозга в условиях стресса являются более активными в силу большого количества имеющихся там симпатических волокон, что косвенно подтверждается более тесным взаимодействием синоартериального узла и правополушарных отделов головного мозга при преобладании активности симпатической нервной системы [30]. Также повышенная активность правого полушария в условиях стресса может быть объяснена различной функциональной ролью полушарий в обеспечении эмоционального поведения, так как левое полушарие более специфично для обеспечения позитивных эмоций, а правое – отрицательных [27].

Несмотря на значительные физиологические изменения в работе мозга во время стресса, выделить определенные нейрофизиологические маркеры стресса представляется достаточно сложным. Большое количество исследований проведено в направлении создания оптимального и эффективного алгоритма оценки стрессового состояния при помощи запрограммированных нейронных сетей. Точность определения стрессового состояния при помощи подобных методов варьирует от 70 до 95 % [31, 32]. Исследования с использованием нейросетей также подтвердили сведения о высокой активности коры при умеренном стрессе и снижении активности в условиях значительного стресса [21].

Исследования особенностей работы мозга в условиях кратковременного стресса и при решении мыслительных задач зачастую пересекаются, так как необходимость выполнения интеллектуальных операций представляет собой разновидность умеренного стресса. Наиболее распространенными методами исследования влияния стрессовых состояний на гомеостаз мозга являются: Монреальская стрессорная задача изображения (Montreal Stress Imaging Task), социальный стресс тест Триера (the Trier Social Stress Test), цветовой тест Струпа, тест холодного давления (The Cold Pressor Test), ментальная арифметическая задача, экзаменационный стресс, социальное исключение и другие [18, 22, 27, 29, 33]. Такое разнообразие задач, вызывающих стресс, обусловлено

многогранностью стресса и сложностью его измерения в лабораторных условиях. Согласно ряду исследований, наиболее эффективным способом провоцирования стресса является социальный стресс тест Триера (TSST), суть которого заключается в необходимости выполнения испытуемыми сложных интеллектуальных операций, таких как, импровизированное выступление и решение арифметических задач перед небольшой аудиторией (2–3 человека и видеокамера), оценивающей качество выполнения задачи [34, 35].

Как было показано в ряде работ, даже в значительных стрессовых условиях психика может сохранять относительно привычный гомеостаз и эффективно справляться с интеллектуальными нагрузками [36, 37]. Интенсивность стрессовых реакции напрямую зависит от уверенности обследуемого в своих силах и возможностях. Согласно представлениям R. S. Lazarus, S. Folkman стресс возникает в условиях, когда появляется дисбаланс в оценке текущей ситуации как потенциально опасной и оценке собственных сил как недостаточных для совладания со стрессовой ситуацией. Chin-Teng Lin et al. [12] приводит сведения о том, что возникновение медиальных тета-волн в условиях умеренного стресса, как правило, наблюдается у людей, имеющих низкие баллы в тестах на личностную тревожность, а отсутствие подобных волн характерно для более тревожных людей. Также для людей с расстройствами тревожного спектра характерна выраженность гамма-ритма в задних отделах головного мозга [13].

Психологический стресс усиливает выделение нейrogормона кортизола и усиливает проявления тревожности, что отрицательно сказывается на решении когнитивных задач и эффективном распределении внимания [29]. С использованием метода регистрации вызванных потенциалов получены данные об увеличении амплитуды N1 в условиях ожидания стресса, что может говорить о повышенной бдительности и восприимчивости к ожидаемому стрессу; а сниженная амплитуда P2 в стрессовых условиях, по словам авторов, возможно, свидетельствует о недостаточно эффективном распределении внимания в стрессовых ситуациях [38].

Выделяют три разновидности стресса: эмоциональный, ментальный и физиологический

[39, 40]. Для измерения особенностей реагирования организма во время стресса чаще используют такие параметры, как измерение уровня кортизола и альфа-амилазы в слюне, частота сердечных сокращений (ЧСС), параметры артериального давления (АД), кожно-гальванической реакции (КГР), размер зрачков, параметры электроэнцефалограммы (ЭЭГ), а также метод субъективной оценки обследуемыми собственного уровня стресса [8, 9, 10, 22, 40, 18, 41]. Здесь большое теоретическое значение имеет разделение указанных параметров на две группы: ЧСС, АД, КГР и уровень альфа-амилазы – показывают реактивность автономной нервной системы (в частности, симпато-адреналово-надпочечниковой оси), в то время как измерение уровня кортизола показывает эндокринную активность гипоталамо-гипофизарной оси [35, 42, 43, 44]. Выделение этих двух систем стрессорного реагирования принципиально важно для понимания физиологических механизмов стресса. Было показано, что автономная нервная система чаще становится ведущей системой стрессорного реагирования в случаях, когда необходимо совершить определённое усилие для достижения результата (например, пробежать дистанцию за короткое время). Гипоталамо-гипофизарно-адреналовая ось чаще становится ведущей стрессорной системой в тех случаях, когда возникает дистресс и ощущение тревожности (Социальный Стресс Тест Триера) [45].

Любопытно, что стресс также может быть разделён на непосредственный и ассоциативный, когда человек оказывается в благоприятных на данный момент обстоятельствах, но в которых у него ранее возникла стрессовая ситуация. Исследователями было показано, что в условиях ассоциативного стресса у человека наблюдаются схожие физиологические паттерны стрессового реагирования, как и при непосредственном стрессе [6].

Подводя итог, следует сказать, что психофизиологический подход к изучению эффективности решения когнитивных задач в условиях стресса в зарубежных исследованиях достаточно широко представлен. Актуальность и востребованность результатов подобных исследований не вызывает сомнения. Как уже было сказано, отечественные и зарубежные

работы в данной области имеют свою специфику. К сожалению, отечественные исследователи, на данный момент, не ставят перед собой задачи подробной разработки проблемы нейрофизиологического обеспечения стрессорного реагирования организма человека, чаще ограничиваясь изучением поведенческого, социального, и реже – психофизиологического уровней. В отечественной психологии разрабатывались теоретические проблемы стресса, профилактика посттравматического стрессового расстройства, исследования в области психологической устойчивости к действию стрессовых факторов [1, 2, 5].

ВЫВОДЫ

Говоря о зарубежных исследованиях, можно сделать вывод, что вопросы нейрофизиологического обеспечения решения когнитивных задач в спокойных условиях и в условиях стресса достаточно хорошо разработаны и подробно описаны в литературе [12, 23, 27, 28]. Общепризнанными психофизиологическими маркерами когнитивной деятельности в условиях стресса являются: снижение выраженности альфа-ритма в префронтальной коре головного мозга; повышение выраженности бета-ритма; умеренная активность правой венстролатеральной префронтальной коры (VLPFC) в условиях умеренного стресса и снижение ее активности в условиях сильного стресса; возрастающая межполушарная асимметрия лобных долей мозга, выражающаяся также в более точечной (а не диффузной) концентрации очагов возбуждения коры; снижение тета-ритмов медиальных отделов префронтальной коры; увеличение частоты сердечных сокращений; повышенное выделение кортизола и альфа-амилазы.

Тем не менее, проявления стресса достаточно разнообразны, и выработать единую модель стрессовых реакций сегодня не представляется возможным. Следует отметить, что в некоторых работах делается попытка объяснить большое разнообразие стрессовых реакций индивидуально-типологическими особенностями испытуемых (черты тревожности, уверенности в себе, устойчивости к стрессу), однако исследований, прямо направленных на выявление влияния индивидуально-типологических особенностей на своеобразие стрессорного

реагирующих найти не удалось. Характерной чертой большинства зарубежных исследований в рассмотренной нами теме является отсутствие устоявшихся постулатов и общей теоретической базы, позволявшей бы объединить результаты довольно большого количества разнообразных научных работ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жуков Д. А. Стой, кто ведет? Биология поведения человека и других зверей: в 2 т. – М.: Альпина-нон-фикшн, 2015. – 427 с.
2. Китаев-Смык Л. А. Психология стресса. Психологическая антропология стресса. – М.: Академический Проект, 2009. – 943 с.
3. Боякова А. А. Эмоциональный интеллект и стрессоустойчивость // Развитие профессионализма. – 2016. – № 1. – С. 189.
4. Грищенко Е. В. Стрессоустойчивость как элемент интегративного свойства личности / Инновационные процессы в развитии общества. Материалы II международной конференции. – Саранск: ООО «ЮрЭксПрактик», 2014. – С. 349–352.
5. Калашникова М. М., Рысева Ю. В. Развитие стрессоустойчивости оперативных сотрудников полиции / Вопросы. Гипотезы. Ответы: наука XXI века. – 2014. – С. 335–354.
6. Brouwer A. M., Neerincx M. A., Kallen V. et al. EEG alpha asymmetry, heart rate variability and cortisol in response to Virtual Reality induced stress // Journal of Cyber Therapy and Rehabilitation. – 2011. – Vol. 4. – № 1. – P. 83–99.
7. Papousek I., Weiss E. M., Schulter G. et al. Prefrontal EEG alpha asymmetry changes while observing disaster happening to other people: cardiac correlates and prediction of emotional impact // Biological Psychology. – 2014. – Vol. 103. – P. 184–194. DOI: 10.1016/j.biopsycho.2014.09.001
8. Bali A., Jaggi A. S. Clinical experimental stress studies: methods and assessment. Reviews in the neurosciences. – 2014 – Vol. 26. – P. 555–579. – DOI: 10.1515/revneuro-2015-0004
9. Zschucke E., Renneberg B., Dimeo F. et al. The stress-buffering effect of acute exercise: evidence for HPA axis negative feedback // Psychoneuroendocrinology. – 2015. – Vol. 51. – P. 414–425. DOI: 10.1016/j.psyneuen.2014.10.019.
10. Aschbacher K. O'Donovan A. et al. Good stress, bad stress and oxidative stress: insights from anticipatory cortisol reactivity // Psychoneuroendocrinology. – 2013. – Vol. 38. – P. 1698–1708. DOI: 10.1016/j.psyneuen.2013.02.004
11. Al-Shargie F., Tang T.B., Kigughi M. Assessment of mental stress effects on prefrontal cortical activities using canonical correlation analysis: an fNIRS-EEG study // Biomedical Optics Express. – 2017. – Vol. 8. – № 5. – P. 2593–2598. DOI: 10.1364/BOE.8.002583
12. Lin C-T., King J-T., Gupta A. et al. The Influence of Acute Stress on Brain Dynamics during Task Switching Activities // IEEE Access. – 2017. – Vol. 6. – P. 3249–3255. DOI: 10.1109/ACCESS.2017.2787673
13. Oathes D.J., Ray W.J., Yamasaki A.S. et al. Worry, generalized anxiety disorder, and emotion: Evidence from the EEG gamma band // Biological Psychology. – 2008. – Vol. 79. – P. 165–170. DOI: 10.1016/j.biopsycho.2008.04.005
14. Arnsten A. F. Stress weakens prefrontal networks: molecular insults to higher cognition // Nature Neuroscience. – 2015. – Vol. 18. – № 10. – P. 1376–1385. DOI: 10.1038/nn.4087
15. Bigert C., Bluhm G., Theorell T. Saliva cortisol – a new approach in noise research to study stress effects // International Journal of Hygiene and Environmental Health. – 2005. – Vol. 208. – P. 227–230. DOI: 10.1016/j.ijheh.2005.01.014
16. Arnsten A. F. Stress signalling pathways that impair prefrontal cortex structure and function // Nature Reviews Neuroscience. – 2009. – Vol. 10. – № 6. – P. 410–422. DOI: 10.1038/nrn2648
17. Dedovic K., D'Aguiar C., Pruessner J.C. What stress does to your brain: a review of neuroimaging studies // The Canadian Journal of Psychiatry. – 2009. – Vol. 54. – P. 6–15. DOI: 10.1177/070674370905400104
18. Vorobeva E. V. EEG spectral power during the performance of mental tasks and individual profile asymmetry of twins // International Journal of Psychophysiology. – 2012. Vol. 85. – № 3. – P. 424. DOI: 10.1016/j.ijpsycho.2012.07.157
19. Vorobeva E. V. EEG spectral power and individual profile asymmetry of twins // International Journal of Psychology. – 2012. – Vol. 47. – № S1. – P. 146. DOI: 10.1080/00207594.2012.709089

20. *Wickens J. R., Horvitz J. C., Costa R. M. & Killcross S.* Dopaminergic mechanisms in actions and habits // *Journal of Neuroscience*. – 2007. – Vol. 27. – № 31. – P. 8181–8183. DOI: 10.1523/JNEUROSCI.1671–07.2007
21. *Quaedflieg C.W.E.M., Meyer T. et al.* The functional role of individual-alpha based frontal asymmetry in stress responding // *Biological psychology*. – 2015. – Vol. 104. – P. 75–81. DOI: 10.1016/j.biopsycho.2014.11.014.
22. *Jun G., Smithe K.G.* EEG based Stress Level Identification // *IEEE International Conference on Systems, Man, and Cybernetics*. – 2016. – P. 3270–3274.
23. *Al-Shargie F.M. et al.* Mental stress quantification using EEG signals // *International Conference for Innovation in Biomedical Engineering and Life Sciences*. – 2015. – P. 15–19. DOI: 10.1007/978–981–10–0266–34
24. *Seo S-H., Lee J. T.* Stress and EEG // *Convergence and Hybrid Information Technologies*. – 2010. – P. 413–426. DOI: 10.5772/9651
25. *Thibodeau R., Jorgensen R. S., Kim S.* Depression, anxiety, and resting frontal EEG asymmetry: a metaanalytic review // *Abnormal Psychology*. – 2006. Vol. 115. – № 4. – P. 715–729. DOI: 10.1037/0021–843X.115.4.715
26. *Tops M., Peer van J. M., Wester A. E. et al.* State-dependent regulation of cortical activity by cortisol: an EEG study // *Neuroscience Letters*. – 2006. – Vol. 404. – № 1–2. – P. 39–43. DOI: 10.1016/j.neulet.2006.05.038
27. *Lewis R. S., Weekes N. Y., Wang T. H.* The effect of a naturalistic stressor on frontal EEG asymmetry, stress, and health // *Biological Psychology*. – 2006. – Vol. 75. – P. 239–247. DOI: 10.1016/j.biopsycho.2007.03.004
28. *Gartner M., Grimm S., Bajbouj M.* Frontal midline theta oscillations during mental arithmetic: effects of stress // *Frontiers in Behavioral Neuroscience*. – 2015. – Vol. 9. – P. 96. DOI: 10.3389/fnbeh.2015.00096
29. *Minguillon J., Lopez-Gordo M., Pelayo F.* Stress Assessment by Prefrontal Relative Gamma // *Frontiers in Computational Neuroscience*. – 2016. – Vol. 10. – P. 101 DOI: 10.3389/fncom.2016.00101
30. *Yu X., Zhang J., Xie D. et al.* Relationship between scalp potential and autonomic nervous activity during a mental arithmetic task // *Autonomic Neuroscience: Basic and Clinical*. – 2009. – Vol. 146. – P. 81–86. DOI: 10.1016/j.autneu.2008.12.005
31. *Hosseini S. A., Khalilzadeh M. A.* Emotional stress recognition system using EEG and psychophysiological signals: Using new labelling process of EEG signals in emotional stress state // *International Conference on Biomedical Engineering and Computer Science, ICBECS*. – 2010. DOI: 10.1109/ICBECS.2010.5462520
32. *Sharma N., Gedeon T.* Modeling stress recognition in typical virtual environments // *Proceedings of the 7th International Conference on Pervasive Computing Technologies for Healthcare*. – 2013. – P. 17–24. DOI: 10.4108/icst.pervasivehealth.2013.252011
33. *Wang H., Braun C., Enck P.* Stress social exclusion How the brain reacts to social stress (exclusion) – A scoping review // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. – 2017. – Vol. 80. – P. 80–88. DOI: 10.1016/j.yynstr.2016.11.001
34. *Melissa A. Birkett* The Trier Social Stress Test Protocol for Inducing Psychological Stress // *Journal of Visualized Experiments*. – 2011. – Vol. 56. DOI: 10.3791/3238
35. *Skoluda N., Strahler J., Schlotz W. et al.* Intra-individual psychological and physiological responses to acute laboratory stressors of different intensity // *Psychoneuroendocrinology* – 2015. – Vol. 51. – P. 227–236. DOI: 10.1016/j.psyneuen.2014.10.002
36. *Gaillard A. W.* Comparing the concepts of mental load and stress // *Ergonomics*. – 1993. – Vol. 36. – № 9. – P. 991–1005.
37. *Lazarus R. S., Folkman S.* *Stress, Appraisal, and Coping* // Springer Publishing Company. New York, 1984. – P. 445.
38. *Qi M., Gao H., Guan L. et al.* Subjective Stress, Salivary Cortisol, and Electrophysiological Responses to Psychological Stress // *Frontiers in Psychology*. – 2016. – Vol. 7. – P. 229. DOI: 10.3389/fpsyg.2016.00229
39. *Reisman S.* Measurement of Physiological Stress // *IEEE Bioengineering Conference. Proceedings of the IEEE 1997 23rd Northeast* – 1997. – P. 21–23. DOI: 10.1109/NEBC.1997.594939
40. *Sahrim L., Zunairah M., Mustafa M. et al.* Development of EEG-based stress index // 2012

International Conference on Biomedical Engineering (ICoBE). – 27–28 February 2012. – Penang. – P. 460–466. DOI: 10.1109/ICoBE.2012.6179059

41. Ермаков П. Н., Воробьева Е. В., Яцык Г. Г. Индивидуальные особенности стрессорного реагирования во время психофизиологического исследования с применением полиграфа // Российский психологический журнал. – 2016. – Т. 13. – № 2. – С. 156–168.
42. Foley P., Kirschbaum C. Human hypothalamus-pituitary-adrenal axis responses to acute psychosocial stress in laboratory settings // *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*. – 2010. – Vol. 35. – № 1. – P. 91–96. DOI: 10.1016/j.neubiorev.2010.01.010
43. Chrousos G.P. Stress and disorders of the stress system // *Nature Reviews Endocrinology*. – 2009. – Vol. 5. – № 7. – P. 374–381. DOI: 10.1038/nrendo.2009.106
44. Strahler J., Rogleder N., Wolf J. Acute psychosocial stress induces differential short-term changes in catecholamine sensitivity of stimulated inflammatory cytokine production // *Brain, Behavior, and Immunity*. – 2014. – Vol. 43. – P. 139–148. DOI: 10.1016/j.bbi.2014.07.014
45. Lundberg U., Frankenhaeuser M. Pituitary-adrenal and sympathetic-adrenal correlates of distress and effort // *Journal of Psychosomatic Research*. – 1980. – Vol. 24. – № 3–4. – P. 125–130. DOI: 10.1016/0022-3999(80)90033-1

REFERENCES

1. Zhukov D. A. *Stoj, kto vedyot? Biologiya povedeniya cheloveka i drugih zverej* [Wait, who leads? biology of human behavior and other animals] v 2 t. Moscow: Alpina non fikshn, 2015. 427 p.
2. Kitaev-Smyk L. A. *Psihologiya stressa. Psihologicheskaya antropologiya stressa*. [Psychology of stress. Psychological anthropology of stress]. Moscow: Akademicheskij proekt [Academic project], 2009. 943 p.
3. Boyakova A. A. Emotional intelligence and stress-resistance. *Razvitie professionalizma – Development of professionalism*, 2016, Vol. 1, P. 189 (in Russian).
4. Grishchenko E. V. *Stressoustojchivost kak element integrativnogo svojstva lichnosti* [Stress-resistance as an element of the integrative trait of personality]. Materialy iz mezhdunarodnoj konferencii «innovacionnye process v razvitii obshchestva» [Proceedings of the II International Conference «Innovative Processes in the Development of Society»], 2014. P. 349–352.
5. Kalashnikova M. M., Ryseva Y. V. Development of stress-resistance of operational police officers. *Voprosy, gipotezy, otvety: nauka XXI veka – Questions. Hypotheses. Answers: the science of the XXI century*, 2014, pp. 335–354 (in Russian).
6. Brouwer A. M., Neerincx M. A., Kallen V. et al. EEG alpha asymmetry, heart rate variability and cortisol in response to Virtual Reality induced stress. *Journal of Cyber Therapy and Rehabilitation*, 2011, Vol. 4, no. 1, pp. 83–99.
7. Papousek I., Weiss E. M., Schuster G. et al. Prefrontal EEG alpha asymmetry changes while observing disaster happening to other people: cardiac correlates and prediction of emotional impact. *Biological Psychology*, 2014, Vol. 103, pp. 184–194. DOI: 10.1016/j.biopsycho.2014.09.001
8. Bali A., Jaggi A. S. Clinical experimental stress studies: methods and assessment. *Reviews in the neurosciences*, 2014, Vol. 26, pp. 555–579. DOI: 10.1515/revneuro-2015-0004
9. Zschucke E., Renneberg B., Dimeo F. et al. The stress-buffering effect of acute exercise: evidence for HPA axis negative feedback. *Psychoneuroendocrinology*, 2015, Vol. 51, pp. 414–425. DOI: 10.1016/j.psyneuen.2014.10.019.
10. Aschbacher K., O'Donovan A. et al. Good stress, bad stress and oxidative stress: insights from anticipatory cortisol reactivity. *Psychoneuroendocrinology*, 2013, Vol. 38, pp. 1698–1708. DOI: 10.1016/j.psyneuen.2013.02.004
11. Al-Shargie F., Tang T.B., Kigughi M. Assessment of mental stress effects on prefrontal cortical activities using canonical correlation analysis: an fNIRS-EEG study. *Biomedical Optics Express*, 2017, Vol. 8, no. 5, pp. 2593–2598. DOI: 10.1364/BOE.8.002583
12. Lin C-T., King J-T., Gupta A. et al. The Influence of Acute Stress on Brain Dynamics during Task Switching Activities. *IEEE Access*, 2017, Vol. 6, pp. 3249–3255. DOI: 10.1109/ACCESS.2017.2787673

13. Oathes D. J., Ray W. J., Yamasaki A. S. et al. Worry, generalized anxiety disorder, and emotion: Evidence from the EEG gamma band. *Biological Psychology*, 2008, Vol. 79, pp. 165–170. DOI: 10.1016/j.biopsycho.2008.04.005
14. Arnsten A. F. Stress weakens prefrontal networks: molecular insults to higher cognition. *Nature Neuroscience*, 2015, Vol. 18, no. 10, pp. 1376–1385. –DOI: 10.1038/nn.4087
15. Bigert C., Bluhm G., Theorell T. Saliva cortisol – a new approach in noise research to study stress effects. *International Journal of Hygiene and Environmental Health*, 2005, Vol. 208, pp. 227–230. DOI: 10.1016/j.ijheh.2005.01.014
16. Arnsten A. F. Stress signaling pathways that impair prefrontal cortex structure and function. *Nature Reviews Neuroscience*, 2009, Vol. 10, no. 6, pp. 410–422. DOI: 10.1038/nrn2648
17. Dedovic K., D'Aguiar C., Pruessner J.C. What stress does to your brain: a review of neuroimaging studies. *The Canadian Journal of Psychiatry*, 2009, Vol. 54, pp. 6–15. DOI: 10.1177/070674370905400104
18. Vorobyeva E.V. EEG spectral power during the performance of mental tasks and individual profile asymmetry of twins. *International Journal of Psychophysiology*, 2012, Vol. 85, no. 3, P. 424. DOI: 10.1016/j.ijpsycho.2012.07.157
19. Vorobyeva E.V. EEG spectral power and individual profile asymmetry of twins. *International Journal of Psychology*, 2012, Vol. 47, no. S1, P. 146. DOI: 10.1080/00207594.2012.709089
20. Wickens J. R., Horvitz J. C., Costa R. M. & Killcross S. Dopaminergic mechanisms in actions and habits. *Journal of Neuroscience*, 2007, Vol. 27, no. 31, pp. 8181–8183. DOI: 10.1523/JNEUROSCI.1671–07.2007
21. Quaedflieg C.W.E.M., Meyer T. et al. The functional role of individual-alpha based frontal asymmetry in stress responding. *Biological psychology*, 2015, Vol. 104, pp. 75–81. DOI: 10.1016/j.biopsycho.2014.11.014.
22. Jun G., Smithe K.G. EEG based Stress Level Identification. *IEEE International Conference on Systems, Man, and Cybernetics*, 2016, pp. 3270–3274.
23. Al-Shargie F.M. et al. Mental stress quantification using EEG signals. *International Conference for Innovation in Biomedical Engineering and Life Sciences*, 2015, pp. 15–19. DOI: 10.1007/978–981–10–0266–34
24. Seo S-H., Lee J.T. Stress and EEG. *Convergence and Hybrid Information Technologies*, 2010, pp. 413–426. DOI: 10.5772/9651
25. Thibodeau R., Jorgensen R.S, Kim S. Depression, anxiety, and resting frontal EEG asymmetry: a metaanalytic review. *Abnormal Psychology*, 2006, Vol. 115, no. 4, pp. 715–729. DOI: 10.1037/0021–843X.115.4.715
26. Tops M., Peer van J.M., Wester A.E. et al. State-dependent regulation of cortical activity by cortisol: an EEG study. *Neuroscience Letters*, 2006, Vol. 404, no. 1–2, pp. 39–43. DOI: 10.1016/j.neulet.2006.05.038
27. Lewis R. S., Weekes N. Y., Wang T. H. The effect of a naturalistic stressor on frontal EEG asymmetry, stress, and health. *Biological Psychology*, 2006, Vol. 75, pp. 239–247. DOI: 10.1016/j.biopsycho.2007.03.004
28. Gartner M., Grimm S., Bajbouj M. Frontal midline theta oscillations during mental arithmetic: effects of stress. *Frontiers in Behavioral Neuroscience*, 2015, Vol. 9, A. 96. DOI: 10.3389/fnbeh.2015.00096
29. Minguillon J., Lopez-Gordo M., Pelayo F. Stress Assessment by Prefrontal Relative Gamma. *Frontiers in Computational Neuroscience*, 2016, Vol. 10, A. 101. DOI: 10.3389/fncom.2016.00101
30. Yu X., Zhang J., Xie D. et al. Relationship between scalp potential and autonomic nervous activity during a mental arithmetic task. *Autonomic Neuroscience: Basic and Clinical*, 2009, Vol. 146, pp. 81–86. DOI: 10.1016/j.autneu.2008.12.005
31. Hosseini S. A., Khalilzadeh M. A. Emotional stress recognition system using EEG and psychophysiological signals: Using new labelling process of EEG signals in emotional stress state. *International Conference on Biomedical Engineering and Computer Science, ICBECS*, 2010. DOI: 10.1109/ICBECS.2010.5462520
32. Sharma N., Gedeon T. Modeling stress recognition in typical virtual environments. *Proceedings of the 7th International Conference on Pervasive Computing Technologies for Healthcare*, 2013, pp. 17–24. DOI: 10.4108/icst.pervasivehealth.2013.252011
33. Wang H., Braun C., Enck P. Stress social exclusion: How the brain reacts to social stress

- (exclusion) – A scoping review. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 2017, Vol. 80, pp. 80–88. DOI: 10.1016/j.ynstr.2016.11.001
34. Melissa A. Birkett. The Trier Social Stress Test Protocol for Inducing Psychological Stress. *Journal of Visualized Experiments*, 2011, Vol. 56. DOI: 10.3791/3238
35. Skoluda N., Strahler J., Schlotz W. et al. Intra-individual psychological and physiological responses to acute laboratory stressors of different intensity. *Psychoneuroendocrinology*, 2015, Vol. 51, pp. 227–236. DOI: 10.1016/j.psyneuen.2014.10.002
36. Gaillard A. W. Comparing the concepts of mental load and stress. *Ergonomics*, 1993, Vol. 36, no. 9, pp. 991–1005.
37. Lazarus R. S., Folkman S. *Stress, Appraisal, and Coping*. Springer Publishing Company. New York – 1984. 445 p.
38. Qi M., Gao H., Guan L. et al. Subjective Stress, Salivary Cortisol, and Electrophysiological Responses to Psychological Stress. *Frontiers in Psychology*, 2016, Vol. 7, A. 229. DOI: 10.3389/fpsyg.2016.00229
39. Reisman S. Measurement of Physiological Stress. *IEEE Bioengineering Conference. Proceedings of the IEEE 1997 23rd Northeast*, 1997, pp. 21–23. DOI: 10.1109/NEBC.1997.594939
40. Sahrim L., Zunairah M., Mustafa M. et al. Development of EEG-based stress index. *2012 International Conference on Biomedical Engineering (ICoBE)*. – 27–28 February 2012, Penang, pp. 460–466. DOI: 10.1109/ICoBE.2012.6179059
41. Ermakov P. N., Vorobyeva E. V., Yacyk G. G. Individual characteristics of stress responding during psycho-physiological research using a polygraph]. *Rossiiskij psihologicheskij zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2016, Vol. 13, no. 2, pp. 156–168 (in Russian).
42. Foley P., Kirschbaum C. Human hypothalamus-pituitary-adrenal axis responses to acute psychosocial stress in laboratory settings. *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*, 2010, Vol. 35, no. 1, pp. 91–96. DOI: 10.1016/j.neubiorev.2010.01.010
43. Chrousos G.P. Stress and disorders of the stress system. *Nature Reviews Endocrinology*, 2009, Vol. 5, no. 7, pp. 374–381. DOI: 10.1038/nrendo.2009.106
44. Strahler J., Rogleder N., Wolf J. Acute psychosocial stress induces differential short-term changes in catecholamine sensitivity of stimulated inflammatory cytokine production. *Brain, Behavior, and Immunity*, 2014, Vol. 43, pp. 139–148. DOI: 10.1016/j.bbi.2014.07.014
45. Lundberg U., Frankenhaeuser M. Pituitary-adrenal and sympathetic-adrenal correlates of distress and effort. *Journal of Psychosomatic Research*, 1980, Vol. 24, no. 3–4, pp. 125–130. DOI: 10.1016/0022-3999(80)90033-1

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Требования к публикациям

Статьи принимаются в электронном варианте в формате редактора Word, набранные 14-м кеглем через 1,5 компьютерных интервала (все поля по 2,0 см), объемом от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. При наборе использовать шрифт Times New Roman.

Цитированная в статье литература (автор, название, место, издательство и год издания) приводится в алфавитном порядке в виде списка в конце статьи. Литература на иностранных языках дается после отечественной. В тексте ссылка на источник делается путем указания (в квадратных скобках) порядкового номера цитируемой книги или статьи, через запятую – цитируемых страниц (например, [42, с. 561]).

К статье прилагаются аннотация (объемом 200–250 слов) и ключевые слова (10 слов и/или словосочетаний, состоящих не более чем из 2-х слов), а также сведения об авторе:

- 1) фамилия, имя и отчество;
- 2) домашний почтовый адрес с индексом, телефон;
- 3) специальность, ученое звание;
- 4) место работы и должность, служебный телефон;
- 5) электронный адрес (e-mail).

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ, НАЗВАНИЕ СТАТЬИ,
АННОТАЦИЮ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
СЛЕДУЕТ ПРЕДОСТАВИТЬ ТАКЖЕ
И НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.**

По всем вопросам публикаций обращаться по адресу:
344038, г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, д. 13, к. 518, редакция
Тел. +7 (863) 218-40-00 (доб. 11637); e-mail: rpj@bk.ru

NORTH-CAUCASIAN PSYCHOLOGICAL BULLETIN

REQUIREMENTS TO PUBLICATIONS

Articles are accepted in electronic form in Word format, typed with 14 size through the 1.5 computer interval (all margins 2.0 cm), with capacity from 10 to 20 pages, including the list of references. Use the font "Times New Roman".

Literature cited in the article (author, title, place, publisher and year of publication) is given in alphabetical order in a list at the end. Literature in foreign languages is given after domestic. In the text reference to the source is done by indicating (in brackets) the serial number of the cited book or article, after the comma – cited pages (eg, [42, P. 561]).

Abstract (200–250 words) and keywords (10 items of words and/or phrases, consisting of no more than 2 words), as well as information about the author, are attached to the article:

- 1) surname, name and patronymic;
- 2) home post address, telephone number;
- 3) specialty, academic rank;
- 4) the place of work and position, official telephone;
- 5) e-mail.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR, TITLE, ABSTRACT AND KEYWORDS SHOULD BE GIVEN ALSO IN ENGLISH.

For all issues about publications, contact:
Editorial Office (of. 518), b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
Tel.: +7 (863) 218-40-00 (ext. 11637.); e-mail: rpj@bk.ru

